

Максим Оськин

Первая мировая война

«ВЕЧЕ»

2010

Оськин М. В.

Первая мировая война / М. В. Оськин — «ВЕЧЕ», 2010

Первая мировая война 1914—1918 годов оказалась последней войной императорской России и стала одной из причин падения династии Романовых. Была ли эта война необходима? Могла ли наша страна обойтись без нее? По какой причине было допущено огромное количество просчетов и ошибок? Почему Великая война закончилась для России столь трагично? Книга, которую вы держите в руках, отвечает на эти и множество других вопросов.

© Оськин М. В., 2010

© ВЕЧЕ, 2010

Содержание

Введение	5
Глава 1	8
Русско-французский союз	17
Россия и Германия	34
В преддверии войны	44
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Максим Викторович Оськин

Первая мировая война

Введение

1914 год предопределил судьбу нашей Родины как минимум на век вперед. В 1914 году Российская империя вступила в мировую борьбу. В 1917 году в России началась Великая русская революция. В 1921 году в основном закончилась Гражданская война и у власти утвердилась партия большевиков, предпринявшая грандиозный и далеко не однозначный по своему процессу и последствиям социальный коммунистический эксперимент. Девяносто лет назад наша страна приняла самое активное участие в тех событиях, что самым кардинальным образом изменили жизнь на одной шестой части суши нашей планеты. И уже почти век как в России больше нет монархии.

Россия стала первой европейской страной, в которой в XX столетии рухнула монархия. Представляется почти невероятным, что могущественная стовосьмидесятимиллионная Российская империя, занимавшая одну шестую часть суши, включавшая в себя более двухсот наций и народов, перед которой трепетал любой враг, в одночасье рассыпалась как картонный домик. Спустя всего какой-то год после крушения царизма о своей независимости объявили Польша, Финляндия, страны Прибалтики, Украина, Закавказье. В то же время вчерашние противники и союзники с увлечением планировали раздел нашей страны – «русского наследства».

Как ни странно, не существовало достаточно мощных объективных, экономических предпосылок падения режима последнего всероссийского императора Николая II. Конечно, страна испытывала определенные трудности, но многим воюющим державам приходилось еще хуже. Военные годы – они всегда не сахар, и если сравнить жизнь россиян в периоды обеих мировых войн, то невзгоды Первой мировой войны покажутся детскими перед теми трудностями, что испытывали наши деды в Великую Отечественную войну. Враги держались на грани. Германия и Австро-Венгрия ввели продовольственные карточки уже в 1915 году. Турция оборонялась только за счет немецкой помощи. Не лучше приходилось и союзникам. Снабжение Великобритании находилось под постоянной угрозой вследствие действия германских подводных лодок. Французы были вынуждены резко снизить свое потребление. И это при том, что как минимум половина жителей русской деревни в период Первой мировой войны повысили качество потребления, не только несколько лучше питаясь, но и покупая ранее недоступные предметы роскоши.

Можно сказать, что Россия потерпела на фронтах ряд поражений, однако кому приходилось лучше? Итальянцы вообще воевали исключительно потому, что львиную долю противостоящих Италии австро-венгерских армий поглощал Восточный (Русский) фронт (как только Восточный фронт застыл в тисках революции, австро-германцы немедленно опрокинули итальянскую армию при Капоретто, и только французская помощь спасла Италию от гибели). Бельгия и Сербия были оккупированы Германией и ее союзниками, но непокоренные нации продолжили борьбу в составе союзных армий и после победы по праву воспользовались ее плодами.

В свою очередь, после того как в 1914 году устояла Франция, а в 1915 году – Россия, стало ясно, что поражение Центральных держав – Германии и ее союзников – есть лишь вопрос времени. В 1916 году неприятеля хватило только на разгром Румынии, но на всех прочих фронтах Центральные державы ушли в глухую оборону. Да, не все складывалось гладко для технически не обеспеченной и привыкшей воевать большой кровью русской армии. Но и в 1916 году тяжелые поражения (Нарочь, Барановичи, Ковель, Румыния) сменялись блистательными победами

(Луцк, Черновцы, Эрзерум, Трапезунд). За спиной же Антанты стоял американский экономический гигант, что обеспечивало победу в борьбе на измор.

Очевидно, что причины падения монархии, а вместе с ней и империи, могли быть исключительно внутренними. Непредвиденная по своему размаху и социально-политическим последствиям война в государствах с нерешенными внутренними проблемами становилась предпосылкой и последней причиной назревшей революции. Многонациональные Российская, Австро-Венгерская, Османская империи являлись первыми потенциальными жертвами произошедшей в 1914 – 1918 годах, по меткому определению А.Е. Савинкина, «войны-революции»¹.

Первая мировая война велась за империалистический передел мира ведущими странами планеты, так называемыми «великими державами». Российская империя, также состоявшая в «клубе» великих держав, не могла остаться равнодушной к этой схватке. Другой вопрос, что русскому военно-политическому руководству надлежало всеми силами стараться остаться в стороне от Большой Европейской войны как раз вследствие нерешенности внутренних проблем, которые в начале XX века приобрели уже системный характер. Рецензируя труд В.В. Поликарпова «От Цусимы к Февралю», М.А. Фельдман совершенно справедливо замечает, что «гигантские просторы Российской империи, локально затронутые индустриализацией, относительно небольшое и преимущественно бедное население исключали саму возможность подготовки к войне, как важнейшей общенациональной задаче. Думается, что такой вывод автора является важнейшим тезисом, имеющим методологическое значение»².

Это прекрасно понимал последний выдающийся «государственный человек» Российской империи – П.А. Столыпин, отказавшийся от традиционной активизации имперской внешней политики во имя сосредоточения на наиболее назревших внутренних проблемах. Прежде всего – решения аграрного вопроса и урегулирования взаимоотношений между царским режимом и отечественной буржуазией. Не зря еще в марте 1911 года, незадолго до своей гибели (или намечавшейся императором отставки своего премьер-министра), П.А. Столыпин предупреждал Николая II: «Я за пять лет изучил революцию, и знаю, что теперь она разбита и моим жиром можно будет еще лет пять продержаться. А что будет дальше, зависит от этих пяти лет»³. Спустя ровно пять лет после этих слов Российская империя приближалась к порогу новой революции, той, что все-таки смела династию Романовых, а вместе с ней и русскую монархию. Характерным явлением начала двадцатого века стал тот факт, что, наверное, впервые ведущий континентальный гигант – Россия – встал на сторону западноевропейских «держав моря» против своих традиционных союзников. На протяжении полутора веков перед четырнадцатым годом великая евразийская держава (Россия) и гегемон Центральной Европы (Германия), являясь географическими соседями, не воевали друг с другом, и даже, напротив, как правило, являлись союзниками. Такое положение обуславливалось традиционными экономическими, культурными, военно-политическими связями. А также – родством правящих династий и общностью монархических интересов.

И вдруг все изменилось. Монархическая Российская империя оказалась в союзе с буржуазными странами Запада – Великобританией и Францией, – которые противостояли европейским монархиям в лице Германской и Австро-Венгерской империй. Неестественность этого союза и парадоксальность русско-германского противостояния стали одним из определяющих векторов развития мировой политики в XX столетии. В обеих мировых войнах наша Родина

¹ Грозное оружие: Малая война, партизанство и другие виды асимметричного воевания в свете наследия русских военных мыслителей. М., 2007, с. 698

² Военно-исторический журнал, 2008, № 8, с. 86

³ Цит. по: Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М., 2006, с. 508

– Россия-СССР – воевала с Германией, имея в качестве своих союзников атлантические державы: Соединенные Штаты Америки, Великобританию, Францию.

Одним из характерных моментов противоборства прошлого века стало то обстоятельство, что в развернувшихся в Европе мировых противостояниях одна только Россия удерживала против себя половину и более сил общего противника, олицетворяемого Германией и ее союзниками. В то же время союзные России страны, пользуясь выгодами своего географического положения и технического потенциала, как правило, стремились выждать благоприятного исключительно для себя хода событий, дабы не только нанести поражение Германии, но и одновременно максимально ослабить Россию – своего естественного соперника и конкурента.

Интересно, что по окончании обоих мировых конфликтов Запад, поставив Германию на колени, одновременно «протягивал ей руку помощи», заключавшуюся в некоторых послаблениях взамен на военное сдерживание России. Тем самым Россия и Германия вновь разводились «по разные стороны баррикад»: даже одержав победу, Запад опасался возможного союза России и Германии. И это тоже неспроста, ибо такой союз был естественным как с исторической, так и с геополитической точки зрения. Вовлекая в орбиту своего влияния то Германию, то Россию, атлантическим державам удалось не допустить усиления континента в борьбе за планетарное превосходство. В итоге единственной сверхдержавой, претендующей на «защиту своих интересов» в любой точке земного шара, в конечном счете стали укрывшиеся за непреодолимым водоразделом Атлантики Соединенные Штаты Америки.

Русский меч всегда лежал тяжелым грузом на весах мирового противостояния. Однако действовал он, к сожалению, слишком часто во имя интересов своих западных союзников, которые вовсе не были склонны к адекватной отдаче и жертвам, нежели в собственных интересах. Запад требовал русской крови взамен любой своей помощи: оружия, продовольствия, сырья, других необходимых материалов. При этом в годы Первой мировой войны союзные поставки шли в счет будущего долга России, а русская кровь подразумевалась как бесплатная жертва во имя достижения общей победы. Русская монархия в 1914 году сделала определяющий выбор, фактически предопределив внешнеполитическую ориентацию страны в первой половине XX века.

В отличие от Великой Отечественной войны, в 1914 – 1917 годах Восточный (Русский) фронт Первой мировой войны так и не стал главным. Не здесь был окончательно разбит враг, и не здесь стояла большая часть непосредственно германских войск. Однако Восточный фронт нельзя однозначно назвать и второстепенным: Россия одна сковывала до половины вооруженных сил коалиции Центральных держав (в годы Второй мировой войны эта цифра возрастет еще более). В то же время против другой половины вооруженных сил немцев и их союзников сражались французы, англичане, американцы, бельгийцы, итальянцы, сербы, португальцы и солдаты многочисленных колоний западных государств вместе взятых. Именно поэтому вклад Российской империи в общую победу неоценим. И именно поэтому наши вчерашние союзники постарались сразу же по достижении общей победы забыть о роли России, замалчивая ее действительное участие в войне. И именно поэтому горькие уроки прошлого должны стать руководством для действий в будущем, чтобы не допустить тех ошибок, что когда-то самым негативным образом отразились на жизни нашей Родины – России.

Глава 1

Накануне первого выстрела

Начало XX столетия вполне логически наследовало свои корни в веке XIX – веке просвещения и прогресса. XIX век, невзирая на массу войн и конфликтов (начиная от Наполеоновских походов и заканчивая Крымской и Франко-прусской войнами), тем не менее, не отличался особенной жестокостью и насилием. Профессиональные армии (даже всеобщая воинская повинность революционной и наполеоновской эпох во Франции не стала таким уж особенным исключением) сталкивались друг с другом на полях сражений, а на население прифронтовых и оккупируемых областей ложилась лишь тяжесть издержек военного времени. Австро-прусская 1866 года и Франко-прусская 1870 – 1871 годов войны, также в принципе не изменили общей картины, возможно, ввиду своей скоротечности. Однако привлечение к отбыванию воинской повинности значительной части мужского населения государств Европы, и столкновение в военных конфликтах уже не государств, а наций, стали прологом к мировым «бойням» следующего столетия.

XIX век стал столетием расцвета европейского искусства, взлета науки и технического прогресса. Во многом так и не удалось приблизиться к великому мастерству прошлого, но в отношении общей культуризации Европейского континента XIX век стал рубежным. Но точно так же, помимо прочего, XIX век стал временем революций в Европе и во всем мире.

Однако в то же время сплочение европейских монархий перед натиском революции, было, как никогда ранее, очень и очень тесным. Интервенции держав Священного союза в Испанию, Италию, Венгрию, Грецию и т.д. доказали это на практике. И все-таки именно XIX век привнес в будущее такого социально-политического процесса, как война, два негативных фактора, ставших базой для отказа в XX столетии от гуманности и вящей рыцарственности, свойственной конфликтам предшествовавшего столетия. Мировой конфликт XX века, дважды разражавшийся ожесточенными и не имеющими прецедента по своей жестокости войнами, вплоть до ядерных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки в 1945 году, не потушенный и поныне, имел свои корни как раз в этих факторах.

Во-первых, выступавшие ранее единым фронтом против остального мира европейцы разделились на военно-политические блоки по поводу обострившихся колониальных проблем. «Раздел мира» фактически совершился лишь двумя морскими державами – Великобританией и Францией. Небольшие «куски» в Африке и Америке имели Голландия, Бельгия, Португалия, Испания, но ни одно из этих государств в XIX веке уже не являлось великой державой. Между тем обладание колониями являлось одним из существенных признаков жизнедеятельности великой державы, ибо от этого фактора зависело как участие государства в мировой торговле, так и развитие экономики страны, выступавшей базисом великодержавности.

Объединенная после 1870 года Германия, чья экономика развивалась столь бурными темпами, что оставила позади все страны Европы, в том числе и Великобританию, так же, как и прочие страны, нуждалась в колониях и торговом флоте. Но «свободных», не колонизованных территорий оставалось до обидного мало, а на море господствовал английский флот, за чьей спиной уже зримо поднимал голову заокеанский гигант – Соединенные Штаты Америки. Если Франция худо-бедно развивала свою морскую торговлю благодаря многочисленным колониям в Африке, а экономика Центральной Европы и Балканского полуострова год за годом подминалась Германией, то сама Германия, в силу своего экономического развития претендовавшая на европейскую гегемонию, почитала себя необоснованно «обиженной» ограниченным масштабом доступа к ресурсам планеты.

Италия также поздно вступила на путь колониальных захватов, однако она ни в коем случае не могла испытывать слишком больших амбиций, ибо для того не существовало никаких предпосылок – ни экономических, ни демографических, ни военно-политических, ни каких-либо прочих. Фактически Италия считалась великой державой лишь благодаря своему географическому положению в Средиземноморье. Австро-Венгрия, невзирая на положение великой державы в мировой политике, вообще не имела колоний (хотя и существовала на географической карте мира Земля Франца-Иосифа).

Российская же империя, еще не успевшая как следует колонизовать свои громадные сибирские и дальневосточные просторы, и без того медленно продвигалась в глубь Средней Азии в направлении Афганистана и Ирана, где на горизонте уже маячили Персидский залив и Индия, и, значит, практически неизбежный конфликт с Великобританией. Экономически Россия была еще довольно слаба, чтобы ускорить темпы своего продвижения на Азиатском континенте, поддерживая свои великодержавные амбиции и претензии военной силой и географическим фактором, – начиная с XVIII столетия европейцы могли думать все, что им было угодно, но не считаться с Российской империей, грозно вставшей со времен Петра Великого на востоке Европы, они уже не могли.

Поджидают неприятеля

Вдобавок ко всему во второй половине XIX века к колониальной «гонке», неизбежно имевшей следствием «гонку вооружений» (и здесь технический прогресс оказался как нельзя более кстати) подключились неевропейские страны, претендовавшие на роль великих держав – Соединенные Штаты Америки и Япония. Именно эти государства войнами «открыли» эпоху империализма, победоносно утвердив в них свой новый статус на планете – испано-американская война 1898 года и Русско-японская война 1904 – 1905 годов (Англо-бурская война 1899 – 1902 годов в этом контексте представляется как первая «ласточка» грядущего глобального противостояния между Великобританией и Германией). Новые крупнейшие «игроки» на мировой арене отнюдь не способствовали стабильности в международных отношениях.

Характерно, что последней военно-дипломатической акцией, в которой государства Европы встали единым фронтом против Азии, стало подавление «боксерского» восстания в Китае в 1900 году. Как раз рубеж веков. Впоследствии европейцы стремились ослабить своих конкурентов в Европе и мире руками азиатов. Русско-японская война в своей основе имела конфликт между Россией и Великобританией. Тот самый конфликт, что разрастался в течение XIX века по всему земному шару. Это, например, и стремление Российской империи завла-

деть Черноморскими проливами, и поддержка различных сторон во время Гражданской войны 1861 – 1865 годов в США, это и скрытая борьба на всех океанах (особенно в Тихоокеанском регионе), это и русская сухопутная угроза британской Индии параллельно с английской морской угрозой русской международной торговле на всех морях.

Само участие Японии в войне против России не могло бы иметь места, не предоставь англичане и американцы крупных займов японской военщине как раз для ведения антирусской войны. В то время русский колосс представлялся англосаксам гораздо большей угрозой, нежели сравнительно небольшое островное государство Азии. Перл-Харбор и Сингапур 1941 – 1942 годов станут ответом Великобритании и Соединенным Штатам Америки со стороны японцев на отказ от общеевропейской политики в общепланетарных масштабах.

Во-вторых, важнейшим фактором изменения характера вооруженных конфликтов и международных отношений стал прогрессирующий с каждым десятилетием в Европе национализм. Объединение последних крупных национальных государств в Европе – Германии под эгидой Пруссии, и Италии под первенством Пьемонта – выдвинуло на первый план национальные империи. Великие державы, выстроенные на феодальных принципах монархического сюзеренитета, отжили свой век. Масла в огонь подливало то обстоятельство, что среди всех великих держав Европы к 1914 году Австро-Венгрия и Россия оставались многонациональными империями.

Однако Австро-Венгрия постепенно распадалась, пусть пока еще духовно (сам дуализм Дунайской монархии говорил, что и государственно-географический распад не за горами), а Россия все-таки находилась на восточной оконечности Европы, являясь одновременно как Евразией, так и Азиопой. Поэтому в отношении русских данный фактор немного «опаздывал» в своем развитии, тем не менее в течение всего XX века существование Российской (Советской) империи во многом поддерживалось центростремительной силой оружия и перекачкой средств из центра на периферию. К сожалению, с тем, чтобы окончательно развалиться к началу нового тысячелетия.

Европейский национализм, во-первых, выдвинул приоритет собственной нации перед общеевропейским единством (сейчас мы видим обратный процесс, конструируемый странами Европы вследствие факторов экономического порядка), что заведомо обрекало государства на вооруженный конфликт за «спорные» территории. Ведь даже в Европе существует масса территорий со смешанным в национальном отношении населением. Кроме того, национализм постепенно и совершенно логично перерастал в шовинизм – резкое отторжение всего инонационального и провозглашение собственной нации даже не просто «первой среди равных», но «исключительной». Наиболее отчетливо этот процесс, вплоть до расистских «научных теорий», после Первой мировой войны) расцвел как раз в Германии, являвшейся в XIX веке наряду с Францией культурным лидером Европейского континента.

Привал у колодца

Безусловно, германский национализм никоим образом не явился плодом только лишь культурного развития страны (напротив, германская культура и искусство XIX века говорят об обратном), но стал заложником политического и экономического процессов в мировом масштабе. Действительно, бурный подъем немецкой экономики и выдвижение Германии на роль европейского лидера с конца XIX века не могли мирить немцев с тем положением, что Германия занимала на планете. Ведь даже понемногу регрессировавшая Франция, делавшая капитал прежде всего с помощью банков, а не с помощью промышленности, имела куда больше возможностей и вариантов, способствовавших ее экономическому развитию. И все это – благодаря колониям и морской торговле. О Великобритании, державшей в своих руках ключи к мировым торговым путям, и говорить нечего. Терять роль «морского перевозчика» и «мастерской мира» англичане не собирались. И потому немцы сделали главную ошибку – ставку на грубый национализм, что в конечном счете оттолкнуло от них весь континент, ибо вызов был брошен всем одновременно.

Экономический взлет после 1870 года, опиравшийся как на объединенную страну, так и на французские репарации, заставил Германскую империю приступить к захвату колоний и строительству флота, как торгового, так и военного. И если первоначально германская экспансия удерживалась в твердо очерченных рамках, установленных дальновидной дипломатией О. фон Бисмарка, то после его отставки немцы открыто бросили вызов прочим великим державам Европейского континента. Это в самой ближайшей перспективе вело к борьбе с могущественной Великобританией, которая никоим образом не могла смириться с утратой исключительно прибыльной роли «мирового перевозчика». Английские авторы указывают: «Германия, которая в 1871 году не была мировой державой, стала осознанно стремиться к этому лишь после отставки Бисмарка в 1890 году... в Европе, как считали многие немцы, их страна находится в

“окружении”. После 1897 года вожди Германии стремились вырваться из него и приступить к экспансии. Все это предполагало неизбежный конфликт с Британией... Морское могущество было столь же необходимо для поддержания британской “изоляции”, сколь мощь Германии на суше – для поддержания системы союзов, членом которой она являлась»⁴.

Англо-германский конфликт, разрастаясь, вовлекал в свою орбиту всю Европу и, понятно, все великие державы, каждая из которых имела свои собственные (и порой глобальные) цели в этом конфликте. Исследователь европейской цивилизации последних двух столетий пишет: «...для двух главных противников, Германии и Великобритании, границей могло стать только небо, поскольку Германия стремилась занять то господствующее положение на суше и на море, которое занимала Великобритания, что автоматически переводило бы на второстепенные роли и так сдававшую позиции британскую державу»⁵. Невзирая на то что современники своевременно определили англо-германскую природу назревавшей Большой Европейской войны, правительства всех стран не собирались оставаться в стороне. При этом, что парадоксально, в каждом государстве правители заранее выбрали свою собственную группировку и затем делали все возможное, чтобы не остаться в стороне от вооруженного конфликта. Деятельность отдельных трезвомыслящих государственных деятелей не имела успеха.

Все-таки первенствующая роль лидера в разжигании внутреннего национализма принадлежала Германии. В политическом отношении Второй рейх был еще очень молод, а потому сравнительно непрочно спаян внутри самой страны. Именно поэтому, дабы спаять немцев общностью исторической судьбы, в духовном плане помимо ставки на общегерманское прошлое императорская власть сделала ставку на национализм. И, бесспорно, этот шаг сильно скрепил узы ганноверцев, баварцев, гессенцев, баденцев, саксонцев и всех прочих германских областей под руководством пруссаков, что и было подтверждено в мировых войнах XX века. А ведь странно было бы вспомнить, что еще в 1866 и 1870 годах часть германских государств с оружием в руках боролась на стороне Австрии или Франции против Пруссии!

Национализм, как ведущая линия внутривнутриполитического развития общества и государства, особенно усилился после восшествия на престол молодого кайзера Вильгельма II и отставки мудрейшего канцлера О. фон Бисмарка. В этот период Германия сделала ставку на своеобразную «политическую автаркию», рассчитывая чуть ли не в одиночку противостоять всем тем, кто не пожелает утверждения в центре Европы нового гегемона. А это – все прочие европейские великие державы.

Ставка верховной власти Германии на национализм породила такое явление, как «милитаризация общества», – ведь национальную исключительность пришлось бы неизбежно отстаивать оружием. За образец был взят идеал прусского офицерского корпуса, армия становилась «школой» для всего населения, в стране усиленно насаждались и поддерживались разнообразные военно-спортивные кружки, патриотические общества и т.д. Утверждаясь среди гражданских лиц, агрессивный национализм, в свою очередь, бумерангом влиял на вооруженные силы, еще более утверждая их в собственной значимости и вере в то, что любая проблема не только разрешима с помощью силы, но и в то, что это есть единственно правильный выбор.

Справедливо выражение: «Милитаризм – это состояние ума гражданских». Став формирующей силой государства, армия не могла не подчинять своей воле прочие структуры управления страной⁶. В 1916 году это вылилось в установление военной диктатуры, фактическое отстранение кайзера Вильгельма II от руководства и, наконец, в проигрыш войны.

Спаяв немцев, германский национализм одновременно имел и обратную сторону медали: он вызвал резкое неприятие со стороны прочих государств Европы. Действительно, в годы Пер-

⁴ Бриггс Э., Клэвин П. Европа Нового и Новейшего времени. С 1789 года и до наших дней. М., 2006, с. 165.

⁵ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914—1991). М., 2004, с. 40.

⁶ Деметр К. Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650—1945 гг. М., 2007, с. 246—247.

вой мировой войны на сторону Германии встали лишь Австро-Венгрия, где коронной нацией являлись те же немцы, да Болгария и Турция, преследовавшие свои собственные цели на Балканах и в Азии и стремившиеся воспользоваться мощью германского оружия для разрешения своих проблем. Вдобавок свою роль играл и личностный фактор: в Турции распоряжалась революционная верхушка младотурок, вызывавшая неприятие у традиционных друзей Османской империи – Франции и Великобритании. В Болгарии правил германский принц – Фердинанд Кобургский. Напротив, в годы Второй мировой войны все союзники Германии стали «друзьями поневоле», что объясняет их почти мгновенный переход на сторону антигитлеровской коалиции после поражений на фронтах войны.

Представляется, что именно германский национализм, как вещь совершенно новая для Германии образца XIX века и абсолютно неприятная для соседей, стал той «последней каплей», что развела Россию и Германию-Пруссию, уже полтора столетия как не воевавших друг с другом, до того, напротив, как правило, выступавших союзниками, в противоположные политические лагеря-блоки, расколовшие Европу. Русские всегда славилась тем, что могли совершенно непонятно почему ставить на первое место перед экономическими и национальными интересами страны какие-то моральные факторы. Особенно этим «предрассудкам» бывали подвержены руководители Российского государства (фактически, абсолютным исключением за последние триста лет явились лишь два человека – строителя империй, что всегда связано с огромной кровью – Петр I Великий, а также И.В. Сталин).

Вероятнее всего, как раз агрессивный немецкий национализм окончательно оттолкнул от союза с Германией русских императоров Александра III и Николая II, которые предпочли военно-политический союз с республиканской Францией против традиционных империй Средней Европы – Германии и Австро-Венгрии. Само собой разумеется, что в основе этих процессов лежали экономические и политические противоречия. Просто для России духовный фактор был всегда чересчур велик, что всегда и подтверждало «шатание» нашей истории из стороны в сторону, в отличие, скажем, от тех же атлантических государств (Великобритании и США), всегда выдерживавших наивыгоднейший для них стержневой, магистральный курс.

Что же касается монархических идиом, как фактора, скреплявшего Европу в XIX веке... В начале XX столетия в Европе существовали только две республики – Французская и Швейцарская. Преобладание государств с монархической формой правления было наглядным и неоспоримым. Но ряд европейских монархий уже тогда являлись конституционными, парламентскими: «Монарх царствует, а не правит». Эта последняя форма есть не что иное, как приспособление традиционного института феодального общества к капиталистическому строю.

Забыв о том, что каждая страна имеет свои собственные традиции и самобытность, Российская империя также тянулась вслед за Западом к буржуазной монархии. Экономический базис неуклонно тянул за собой политическую надстройку, и движение это было неумолимым и неизбежным. Основные Законы 1906 года в сочетании с Манифестом 1905 года и прочим сопутствующим законодательством того нелегкого времени стали русским вариантом конституции в полусамодержавной монархической стране, битком набитой пережитками феодального строя. Право, тогда уж лучше республика.

Из восьми великих держав мира начала XX века – Великобритании, Германии, России, Франции, Австро-Венгрии, Италии, Соединенных Штатов Америки, Японии – шесть являлись монархиями. Причем из этих шести четыре (кроме Великобритании и Италии) были монархиями скорее авторитарного, нежели конституционного плана. По окончании войны в 1918 – 1920 годах еще три державы станут республиками самого различного характера (буржуазная немецкая Веймарская республика, Советская Россия и масса буржуазно-демократических республик, образовавшихся на обломках Австро-Венгрии). Еще одна (Италия) – обретет все необходимые черты конституционализма фашистского типа. Фактически в мире останется лишь одна великая держава с легитимной монархией вполне традиционного (хотя уже и «разъеден-

ного» конституционализмом) типа – Япония, – рухнувшая в 1945 году. Гибель монархического принципа во всемирном масштабе стала основным шагом к американскому «концу истории», провозглашенному Ф. Фукуямой.

Уже только один этот факт позволяет сделать вывод, что история новейшего времени последовательно и упорно выбивала «из строя» европейские монархические режимы, с тем чтобы к середине столетия не оставить ни одной авторитарной монархии в Европе и среди великих держав. Все это явилось логическим следствием развития такого явления в экономической жизни планеты, как индустриальный капитализм. В политической же сфере начало падения монархичности как явления жизни Европы, как явления скорее духовного, нежели материального порядка, положила Первая мировая война 1914 – 1918 годов.

Галиция. Солдаты запасаются водой в баклажки

В Первой мировой войне друг другу противостояли два военно-политических блока: Антанта («Сердечное согласие») и Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия, Италия), к которым впоследствии присоединялись другие государства мира. Российская империя являлась одним из членов триумvirата Антанты – Великобритании, Франции и России. Заметим, что здесь одна лишь Россия являлась традиционной монархией, в то время как в противоположном лагере все страны являлись монархиями, пусть и шагнувшими несколько далее России по пути буржуазного конституционализма.

Ради противостояния Германии и немецкому влиянию внутри страны в России отставили в сторону многолетнюю борьбу XIX века с Великобританией, непрестанные военные конфликты с Францией, вековую ставку на солидарность монархических режимов перед лицом «революционной заразы». Даже как будто бы не обратили внимания на главного виновника русского унижения в 1905 году на Дальнем Востоке: без финансовых вложений англичан и американцев Япония не имела ни единого шанса в противоборстве с Российской империей. Ради сохранения своей могущественной колониальной империи и роли «мирового перевозчика» англичане лавировали в международной политике, стравливая между собой вероятных конкурентов. Но даже и здесь британцы получили двойную выгоду: и вытеснив русских с Тихого

океана, и вынудив их признать борьбу с Германией как приоритетную и единственно необходимую в ближайшей перспективе. В 1912 году князь А.Г. Щербатов писал, что Англия, «не имея достаточно боевой мощи для самостоятельного нападения и не испытывая нужды в новых завоеваниях, искусно пользуется соперничеством других стран между собой, чтобы своевременной поддержкой слабейшей стороне ослабить сильнейшую, и, пользуясь истощением после войны обоих противников, занять их место в торговом мире. Нет военного столкновения, из которого Англия не извлекла бы своей выгоды»⁷. Уход России из Тихоокеанского региона означал ее ненормально прочную «привязку» к европейским делам, в которых русско-германские отношения определились как безусловно конфликтные.

Союз Российской империи и Запада в то время был противоестествен не только в геополитическом, но и в государствообразующем отношении. Россия вела борьбу за преобладание в восточноевропейском регионе (прежде всего – Балканы), а также за недопущение выхода в Черное море через Босфор и Дарданеллы флотов каких-либо иных держав. На этих участках русские геополитические интересы пересекались, ранее прочих, с британскими интересами.

В окопах

Соперничество с Австро-Венгрией на Балканах до 1914 года поддавалось урегулированию. Экономические интересы буржуазии и давление заинтересованных кругов, связанных с ней, на высшую государственную власть Российской империи, наряду с ярко агрессивной внешнеполитической линией Германии и ее союзников, сделали этот союз вполне реальным. Противостояние России и Германии, искусно подогреваемое державами Запада, растянулось на весь XX век, обескровив обе стороны и вырвав инициативу решения общепланетарных проблем из рук континентальных европейских государственных группировок в пользу атлантических держав – сначала Великобритании, а затем и Соединенных Штатов Америки. Опора политики на мировую экономику твердо руководила действиями рулевых англосаксонских стран, где всегда помнили максиму сэра Уолтера Рэйли: «Тот, кто господствует в водах океана, главенствует в торговле. Тот, кто главенствует в мировой торговле, контролирует мировое богат-

⁷ Щербатов А.Г. «Обновленная Россия» и другие работы. М., 2002, с. 172—173.

ство, а следовательно, хозяйничает и во всем мире». Кто ныне контролирует «мировое богатство» – энергию и, следовательно, «хозяйничает во всем мире»?

Смена династических союзов блоковыми образованиями стала прологом к Большой Европейской войне, так как теперь упор делался не на союз монархов, а на противоборство народов-наций, в основе которого лежали экономические причины, дополняемые соображениями внутренней политики, геополитики, идеологии, империалистической экспансии. Преобразование средневековых государств в «государства-нации» стало одним из характерных явлений нового и новейшего времени, дожив до наших дней. Борьба за передел мира, развернувшаяся с конца XIX века, стремление нового экономического гиганта – Германии – получить свою чрезмерно большую долю мирового пирога логически вели к созданию принципиально иных, по сравнению с предшествующим историческим периодом, военно-политических союзов в Европе. Как считал участник войны и один из первых ее тщательных историков, генерал от инфантерии А.М. Зайончковский, «заключением франко-русского союза, дополненного военной конвенцией, Россия окончательно порвала со своей традиционной политикой девятнадцатого столетия, базировавшейся на союзе с двумя соседними центральными державами; она вышла и из своего изолированного состояния. Европа раскололась на два враждебных лагеря, и это неминуемо должно было привести к всеобщему столкновению. Франко-русский союз положил первоначальный фундамент той кристаллизации держав, с которой они встретили Мировую войну; он восстановил политическое равновесие Европы, нарушенное образованием Тройственного Союза, и уничтожил его доминирующее влияние»⁸.

Бурный экономический рост Германской империи начался после победы во Франко-прусской войне 1870 – 1871 годов, когда тылы Пруссии были обеспечены дружественной позицией России и Австро-Венгрии, а Англия отстранилась от участия в этой войне. Объединение Германии канцлером О. фон Бисмарком, на фоне крушения военной мощи Франции, заложило основы для появления в Европе новой ведущей силы. Экономический рост и явная слабость ближайших соседей побудили немцев задуматься о европейской гегемонии. Затем, с 1890 года, когда германские товары стали успешно конкурировать с английскими, немцы увидели для себя возможность вытеснения Великобритании и с мировых рынков.

Соответственно, в Европе стал складываться союз держав, поставивший целью остановить германскую внешнеполитическую экспансию. Исследователями справедливо отмечается, что 1870 год стал первой предпосылкой грядущего мирового конфликта. В Европе впервые после Наполеона появился гегемон, справиться с которым стало под силу только коалиции других государств – великих держав. «Сохранение многополярной модели равновесия было поставлено под серьезнейшую угрозу возникновением в 1871 году Германской империи на базе объединения германских земель в мощнейший сплошной геополитический массив, включивший в себя преимущественно французские Эльзас и Лотарингию. Контроль Германии над ресурсами двух этих провинций (уголь и железная руда) в момент, когда определяющую роль для военно-технических возможностей государств стали играть металлоемкие производства, способствовал возникновению ситуации, когда сдерживание единой Германии в рамках традиционного “европейского равновесия” методами дипломатии и политики оказалось невозможным. Таковы были структурные предпосылки Первой мировой войны...»⁹

⁸ Зайончковский А.М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926, с. 92.

⁹ Системная история международных отношений в двух томах. М., 2006, т. 1, с. 19.

Русско-французский союз

Такой антигерманский союз наметился между жаждавшими после поражения во Франко-прусской войне 1870 – 1871 годов реванша французами и опасавшимися усиления Германии (как экономического, так и чисто военного) русскими. История тесного сближения Российской империи с Французской республикой берет свое начало в годы правления императора Александра III, вынужденного отказаться от принципа монархической солидарности, так как теперь России противостояла коалиция Германии и Австро-Венгрии, оформленная с участием Италии в 1882 году, – Тройственный союз. Действительно, в австро-германском договоре о союзе, заключенном в 1879 году, 1-я же статья отчетливо указывала будущего противника: «В случае, если бы одна из обеих империй, вопреки ожиданию и искреннему желанию обеих высоких договаривающихся сторон, подверглась нападению со стороны России, то обе высокие договаривающиеся стороны обязаны выступить на помощь друг другу со всею совокупностью военных сил своих империй и соответственно с этим не заключать мира иначе, как только сообща и по обоюдному согласию». Здесь говорится о «нападении со стороны России», однако в 1870 году О. фон Бисмарк превосходно преподавал урок, как агрессивная держава может выставить себя в роли «невинной овечки», – провокация есть превосходная вещь для морального обоснования агрессии.

Прием фуража у еврея-поставщика

Отставание России на пути капиталистического развития ослабляло страну как в экономическом, так и в военном отношении. Если раньше Российская империя могла с успехом противостоять коалиции ряда стран Центральной Европы, одновременно являясь несомненным гегемоном в Восточной Европе, то теперь чаша весов качнулась на сторону Германии и ее сателлитов. Вдобавок традиционно недружественной оставалась и позиция Великобритании – неуязвимой для внешнего вторжения с суши и способной изолировать любого вероятного неприятеля на всех морях.

Исходя из собственных опасений и стремясь к реализации давнего принципа «баланса сил» в Европе, в 1875 году русские не позволили немцам окончательно добить французов,

и теперь в Германии справедливо стали рассматривать Россию как одно из главных препятствий на пути установления европейской гегемонии. Отечественный исследователь полагает, что «наиболее точной датой» начала подготовки Российской империи к Большой Европейской войне «следует считать 1880 год, когда русское правительство утвердило разработанные генерал-адъютантом Н.Н. Обручевым так называемые соображения о планах войны с Германией и Австро-Венгрией. Враждебная позиция этих стран по отношению к России, обозначившаяся еще во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 г. и на Берлинском конгрессе 1878 г., стала совершенно явной после заключения австро-германского союза в 1879 году»¹⁰.

Так или иначе, но в любом случае именно Россия всегда вставала последним препятствием на пути любого европейского гегемона, а потому какое-то ухудшение отношений с Германией было объективно неизбежным. Другой вопрос: стоило ли доводить противоборство до мировой бойни? Пока еще немецкая экономика только-только набирала обороты, и Великобритания оставалась в стороне. Однако не за горами было то время, когда англичане станут главным противником немецкого империализма.

Русские дипломаты довольно долгое время пытались сохранять дружественные отношения со всеми странами, и русско-германские договоры «о перестраховке» – тому наглядное подтверждение. Но в конечном счете лавирование между различными группировками все же не имело успеха, так как угроза со стороны усилившейся и вступившей в антирусский союз с Австрией Германии становилась все явственней и отчетливее. А выдержать необходимую паузу русская дипломатия не смогла, да, наверное, и не имела к тому объективной возможности.

Оставалось искать союзников, и, разумеется, среди великих держав, также недовольных мощью германского империализма. Если учесть, что англичане держались наособицу, то особенного выбора и не было – только Франция, сама искавшая союзников против Германии. При чем франко-германский конфликт мог идти только на уничтожение. Швейцарский исследователь С. Ферстер верно заметил, что «в период Первой мировой войны цели немцев и французов подразумевали ликвидацию статуса противника как великой державы, и даже раздробление государства-противника, так как каждая сторона определяла другую как основополагающую опасность для собственного существования»¹¹.

Старые распри были отставлены в сторону. Дабы обеспечить безопасность от вероятной агрессии держав Тройственного союза на Восток, к которому в любой момент могли присоединиться Румыния и Турция, русское правительство пошло на соглашение с Францией, также тщательно подбиравшей союзников в Европе, так как французы не могли воевать с немцами даже один на один. Решающим актом стало подписание военной конвенции 1892 года, которая положила начало антигерманскому блоку, пока еще только в составе России и Франции.

Отметим, что инициаторами заключения франко-русского союза были все-таки французы. Именно Франция не могла допустить нового погрома после 1871 года, и, так как русские также опасались возрастающей мощи Германии, усилившей себя союзом с Австро-Венгрией и Италией, то такой союз не мог не быть заключен. Логика блокового противостояния в Европе с неумолимой поспешностью заменяла старую «систему равновесия». Ю.М. Коробов выделяет причины, по которым руководство Французской республики пошло на союз с самодержавной Российской империей. «Во-первых, можно было рассчитывать на военно-политический союз, основанный не только на временной политической конъюнктуре, но и на более глубинных взаимосвязях, на устойчивых военно-экономических интересах. Во-вторых, всевозрастающее воздействие на эти взаимосвязи оказывало географическое и стратегическое положение России и Франции. Возможность распылить силы Германии на два фронта подкреплялась громадными стратегическими ресурсами России и набиравшей силу военной промышленностью Франции.

¹⁰ Дашкуев М.Д. Побеждает тот, кто умеет лучше думать (Н.Н. Обручев). М., 2007, с. 269.

¹¹ Опыт мировых войн в истории России. Сборник статей. Челябинск, 2007, с. 19.

В-третьих, появлялась возможность не только обеспечения собственных военных потребностей, но и взаимного распределения тягот подготовки к войне между союзниками»¹².

Конвенция 1892 года была подписана полномочными представителями Генеральных штабов двух держав – генералами Обручевым (начальник русского Главного Штаба) и Бойденффе (помощник начальника французского Генерального штаба). Документ был окончательно ратифицирован на высшем уровне в 1893 году. Конвенция определяла русские армии, выставляемые против Германии, в 700 – 800 тысяч чел., французские – в 1 300 000 чел., однако о сроках выступления пока еще не было и речи. Главным оставалось обязательство совместной войны против Германии, буде та пожелает решить свое стремление к гегемонии оружием: Австро-Венгрия и так следовала в фарватере германской политики, Италия была откровенно слаба, Великобритания оставалась недостижимой за Ла-Маншем; так что противниками Германии являлись как раз Франция и Россия.

Оба государства обязывались выступить против любого противника из стана Центральных держав в случае нападения того на одну из договаривающихся держав: «Если Франция подвергнется нападению со стороны Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия употребит все войска, какими она может располагать, для нападения на Германию. Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит все войска, какими может располагать, для нападения на Германию». Конвенция по своему характеру была оборонительной, находясь в зависимости от жизнедеятельности неприятельского блока («Настоящая конвенция будет иметь силу в течение того же срока, что и Тройственный союз»), и пока еще не имела взаимозависимости в смысле стратегического планирования каждой из договаривающихся сторон.

Более того, в своей «Записке», представленной императору Александру III, ген. Н.Н. Обручев указывал, что в случае войны с Германией и ее союзниками «мы должны обеспечить полную свободу действий». По смыслу это означало самостоятельное оперативно-стратегическое планирование русской стороны, вне зависимости от желаний французов, сообразно лишь со своими собственными военно-политическими потребностями. Отсутствие координации военных усилий с союзниками против общего противника несколько ослабляло франко-русскую коалицию, но зато сохраняло свободу дипломатического маневра в случае настоятельной нужды.

В любом случае, этот документ не позволял немцам добить Францию, так как в таком случае на Востоке против Германии немедленно вставала бы Российская империя. Таким образом, данная конвенция, в силу расстановки фигур на мировой доске, страховала более Францию, нежели Россию, которой пока особенно-то и нечего было делить с Германией. Лишь в первом десятилетии XX столетия, когда военное и политическое могущество Российской империи ослабело, французам удалось навязать русским сроки наступления (на пятнадцатый день с начала мобилизации) и направление удара на Германию¹³.

¹² Последняя война Российской империи. М., 2006, с. 191.

¹³ См. Стратегические решения и вооруженные силы: новое прочтение. М., 2000, т. 1, с. 13, 17.

Галиция. У походных палаток

Договор 1892 года подчеркивал самостоятельную роль Российской империи, просто-напросто подстраховавшейся против набиравшей силу Германии, еще ранее образовавшей свой заведомо агрессивный блок. Теперь русские могли играть на франко-германских противоречиях, чтобы иметь независимость и от британского, и от немецкого внешнеполитического курса. Но после Русско-японской войны 1904 – 1905 годов, в которой, кстати говоря, не желавшие ссориться с англичанами ради России французы не оказали русским ни малейшей реальной помощи, положение вещей резко изменилось. Именно тогда стало ясно, что при выборе более принципиального союзника для Франции более дороги будут не русские, а англичане. Впрочем, в России этого, очевидно, в высших эшелонах власти до конца так и не поняли.

Ведущий отечественный исследователь международных отношений А.И. Уткин так оценивает русские дипломатические усилия в эпоху образования блоков и союзов в Европе: «Складывается впечатление, что начало эры несчастий России лежит в неверном дипломатическом выборе, предполагавшем союз с Францией и противостояние Германии. Порочными были изначальные послышки. Ныне, в конце века, напрашивается вывод, что России нужен был союз с обеими странами: с Францией (который гарантировал от германской экспансии в Европе), но и с Германией, лидером европейского экономического развития. Россия нуждалась в германской технологии, в германских капиталах и в германских специалистах, в инженерах и организаторах, которых сегодня мы назвали бы менеджерами. Дипломатическое замыкание России на Запад в пику Германии делало ее заложницей неконтролируемых ею политических процессов. Россия, по существу, отдала свою судьбу в чужие руки»¹⁴.

Действительно, так или иначе, но военно-стратегическое положение государства в системе «европейского концерта великих держав» напрямую зависело от экономики. Экономическое развитие Российской империи в начале XX века приступило к своему настоящему разбегу только с началом осуществления столыпинской аграрной реформы. Львиная доля населения – крестьянство (85 %), – стало активно втягиваться в капиталистические отношения. И,

¹⁴ Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2001, с. 15.

что еще главное, тот источник, что давал половину национального дохода, – сельское хозяйство – получил право частной собственности на землю.

Закладывание промышленного потенциала при императоре Александре III во многом блокировалось недостатком рабочих рук и искусственной привязкой крестьянства к земле. С конца 1906 года, когда в ход пошли реформы П.А. Столыпина, деревня стала поставлять городу рабочие руки в значительном количестве, а расширение торговых связей между городом и деревней только укрепляло оборонный потенциал страны. «Мягкая» индустриализация (в отличие от «жесткой» сталинской) с каждым годом набирала обороты, одновременно выводя Россию в разряд первоклассных промышленных держав и сохраняя крестьянское традиционное общество как необходимую составляющую категорию монархического принципа правления.

Тем не менее для того, чтобы получить в руки существенные результаты реформирования и суметь ими воспользоваться, требовалось время. И время немалое: как известно, сам П.А. Столыпин требовал не менее двадцати лет мира. Это – минимум. Поэтому «рассчитанные на десятилетия столыпинские реформы не давали мгновенного, непосредственного эффекта в плане сиюминутного улучшения жизни большей части населения. Оставаясь государственно мыслящим и ответственным политиком, Столыпин, в отличие от лидеров леворадикальных партий, не был демагогом, сознавая эфемерность, а главное – аморальность беспочвенных, объективно не обеспеченных обещаний»¹⁵. В распоряжении России оказалось всего-навсего семь с половиной предвоенных лет, часть из которых ушла на восстановление того положения вещей, что существовало до Русско-японской войны 1904 – 1905 годов и Первой Русской революции 1905 – 1907 годов. Следовательно, в любом союзе с тем или иным европейским блоком (Антанта или Тройственный союз) Российская империя оказывалась в подчиненном положении. Причина тому – отсталость экономического развития нашей державы на данный момент времени.

Но удивительно не это. Удивительно, что, оказавшись в подобном цейтноте, русская государственная власть не только рьяно бросилась в один из военно-политических блоков (Антанта), но и проповедовала наступательную войну, также, наряду с прочими странами, подталкивая события к своей развязке – Большой Европейской войне, которая на деле вылилась в мировую войну. Иначе говоря, наиболее разумным поведением российского руководства после 1907 года стал бы отказ от своего жесткого позиционирования в военно-политическом отношении, и тем более отказ от проведения такой активной внешней политики в Европе, что непрестанно сталкивала Россию с другими великими державами.

Однако же на деле, чем более преодолевались последствия Японской войны и революции в политической и экономической сферах, тем более активной и наступательной становилась русская внешняя политика. Чуть накопленный экономический «жирок» уже побуждал российских «ястребов» бряцать оружием, выступая затравщиком войны, но ускользая в кусты при неблагоприятном ее ходе. Такая позиция как нельзя более соответствовала интересам союзников и противников – Франции, Великобритании и Германии, – заинтересованных в участии России в предстоявшей войне. Правда, чем дальше, тем больше зависимость от французских займов подчиняла себе суверенитет русской внешней политики, подламывая его в пользу активности России в Европе – против Германии. Восточный союзник Франции имел, «конечно, право на собственные стратегические интересы», но кредитовался «под обязательство действовать, прежде всего, в поддержку французов»¹⁶.

Точно так же была спровоцирована немцами активная позиция Австро-Венгрии, где вместо широкомасштабных внутренних реформ, нацеленных на разрешение национальных про-

¹⁵ П.А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы. М., 2003, т. 1, с. 21.

¹⁶ Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008, с. 280.

блем и трансформации империи в федерацию, власти перенесли центр тяжести на внешнюю политику. И Российская, и Австро-Венгерская монархии в силу своего экономического развития играли неравноправные роли в собственном военном союзе. В то же время позиционирование именно этих стран стало наиболее запрограммированным и оттого в значительной степени подверженным внешнему давлению со стороны более мощного партнера.

Отечественный исследователь правильно считает, что жесткие союзнические отношения с любым из сложившихся военно-политических блоков были неприемлемы для Российской империи в начале XX столетия. «Наилучшим вариантом политики и военной стратегии для России было бы сохранение того положения, в котором она находилась до присоединения к Антанте, т.е. нейтралитета, но при этом нейтралитета, обеспеченного достаточно мощными сухопутными и военно-морскими силами, способными вести, прежде всего, эффективные оборонительные сражения...»¹⁷ Возможен ли был такой нейтралитет? Вполне вероятно, что да. Но при этом уже далеко не все зависело от самих русских. Ни союзники, ни противники не желали русского оборонительного нейтралитета и потому заняли откровенно грубую позицию в отношении России: французы активно втягивали Российскую империю в свои проблемы с немцами из-за Эльзас-Лотарингии, а немцы желали бескомпромиссно и единолично господствовать в Европе, определив Франции участь второстепенной державы, и намереваясь оттеснить Россию в Азию.

Увидели немца

Итак, в свою очередь, немцы после смерти русофильствующего старого императора Вильгельма I, воевавшего вместе с русскими еще против Наполеона, перестали дорожить тесным и верным союзом с Россией. В немалой степени это определялось нежеланием русского вмешательства в германские дела, столь ярко проявившегося в эпоху императора Николая I, считавшего малые германские государства чуть ли не своей «вотчиной». Канцлер единой Германии граф О. фон Бисмарк сделал все возможное, чтобы обеспечить независимость своей родины от любого иностранного вмешательства, в том числе и русского. И с объективной точки зрения это вполне понятно: поодиночке германские государства не могли и думать о каком-либо соперничестве с могущественной Российской империей. Зато единая Германия уже резко

¹⁷ Кокошин А.А. Стратегическое управление: Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М., 2003, с. 155.

превосходила Россию по параметрам своего экономического развития, что становилось залогом и военной мощи, и положения на международной арене.

Однако Бисмарк всегда помнил, что Россия не является жизненным врагом Германии, а потому никогда не доводил дела до открытой ссоры между двумя странами, не говоря уже о вероятном военном столкновении. Напротив, русско-германский союз был не по зубам любой коалиции прочих европейских держав. Но после отставки Бисмарка положение вещей переменялось самым радикальным образом. Отказавшись продлить «договор перестраховки» (договор 1887 года о ненападении между Россией, Германией и Австро-Венгрией, долженствовавший периодически продлеваться, как итог бисмарковского «союза трех императоров») в 1890 году, молодой кайзер Вильгельм II окончательно дал понять, что военно-политический союз Германии и Австро-Венгрии отныне будет жестко направлен и против России. Такое положение означало, что в борьбе за влияние на Балканах австрийцы всегда будут иметь преимущество, так как за их спиной стоял германский экономический гигант. Естественным следствием этого отказа и стала франко-русская конвенция 1892 года.

Интересы России и Австро-Венгрии на Балканском полуострове пересекались самым решительным образом. Экономическая отсталость Двуетидной монархии и отсутствие у нее колоний неизбежно делали единственным объектом экспансии Балканы. Россия же не могла оставить на произвол судьбы православные народы полуострова. Отсюда и трения, скатывавшиеся на грань военного конфликта. Тень германской мощи за спиной Двуетидной монархии означала, что в балканских делах отныне Австро-Венгрия имеет сильнейшего союзника. Итоги Берлинского конгресса 1878 года, подведшего черту под результатами Русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов, показали единство немецких держав в этом вопросе: не участвовавшая в войне Австро-Венгрия при поддержке Германии и Великобритании получила право на оккупацию Боснии и Герцеговины.

В 1878 году в России стало ясно, что «дружба дружбой, а табачок – врозь». 1890 год подтвердил наихудшие опасения. Поэтому новому императору, испытывавшему давление со стороны всей Европы и отказавшемуся от ведения войн, пришлось задуматься над перспективой дальнейшей направленности русской внешней политики. Русский император Александр III, отлично сознававший, что нужно искать новых союзников, был вынужден пойти в давно приготовленные объятия Франции, жаждавшей военного реванша против Германии после национального унижения 1871 года. Так что «с заключением союза России с Францией окончательно определилась геостратегическая ситуация на Европейском континенте»¹⁸.

Помимо прочего на такое решение русской стороны повлияло и то обстоятельство, что из всех великих европейских держав Россия не имела территориальных проблем лишь с Францией и Италией. Территория в те времена представлялась приоритетным фактором перед экономикой. Поэтому в условиях, когда Германия представляла наиболее вероятным противником России на континенте, Франция оказывалась наиболее естественным союзником. Таким образом, в 1890 – 1892 годах была уничтожена последняя подпорка, созданная еще канцлером О. фон Бисмарком для предотвращения русско-германской войны.

Известно, что Бисмарк не очень-то дружелюбно относился к Российской империи, но он всегда придерживался той точки зрения, что Россия и Германия, как монархические империи, могли сосуществовать только не вступая друг с другом в вооруженный конфликт. Подчеркнем – именно как *монархические империи*. «Железный канцлер», стараясь не допустить усиления Российской империи, в то же время дипломатическим путем последовательно и твердо разрушал те комбинации в русско-германских отношениях, которые могли привести к войне между ними. Впоследствии и немецкий император Вильгельм II (кстати говоря, крестный отец наследника российского престола цесаревича Алексея), то ли осознав свою ошибку, то ли желая раз-

¹⁸ Михалев С.Н. Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., 2003, с. 67.

рушить франко-русский союз (вероятнее всего, и то и другое), будет неоднократно предпринимать попытки сближения с Россией.

Пиком такой политики станет так и не ратифицированный Бьеркский договор 1905 года: Бьеркское соглашение подразумевало не русско-германский сепаратный союз, как то часто представляется в отечественной историографии, а русско-франко-германскую коалицию. Правда, в подобной редакции договор не имел возможности для существования. Но этот шаг логически вел к распаду англо-французской Антанты и изоляцию Великобритании в европейских делах. Такой вариант союза ведущих континентальных держав, при условии его соблюдения всеми державами, начисто исключал возможность Большой Европейской войны, а значит, вероятнее всего, и Великой Русской революции 1917 года. Это соглашение, по сути, означало, что в дело вводится новая антибританская континентальная система. Но теперь уже русские не будут верить немцам, и только лишь Первая мировая война расставит последние точки над тем самоубийственным решением, что предпринял кайзер после отставки канцлера Бисмарка.

Стоит процитировать вышедшие в 1898 году мемуары О. фон Бисмарка, ставшие его политическим завещанием, чтобы увидеть, что взгляды великого канцлера исходили не из «прекраснодушия» и «любвеобильности» к России или кому бы то ни было еще. Патриот своего Отечества, граф Бисмарк всегда исходил из трезвого прагматизма и рационализма, всегда служивших куда более весомым аргументом для дружбы между государствами, нежели какая-то психологическая приязнь, столь свойственная российским руководителям вплоть до настоящих дней («друг Билл» отчетливо выказал свой «дружеский» оскал в Югославии-1999). Бисмарк писал: «...Для нас выгодно, что Австрия и Россия имеют на Балканах противоположные интересы, тогда как между Россией и Пруссией-Германией нет таких сильных противоречий, чтобы они могли дать повод к разрыву и войне... [и даже несмотря на возможность ссоры] мы можем сохранять свою независимость и достоинство по отношению к России, не нанося ей обид и не задевая ее интересов... Германская война предоставляет России так же мало непосредственных выгод, как русская война Германии; самое большее, русский победитель мог бы оказаться в более благоприятных условиях, чем германский, в отношении суммы военной контрибуции, да и то он едва ли вернул бы свои издержки...» Бисмарк считал, что для Германии даже было бы выгодно, если бы дружественная ей Россия утвердилась в Константинополе: «Это избавило бы нас от положения гончей собаки, которую Англия, а при случае и Австрия, натравливают против русских вождельных на Босфоре»¹⁹.

¹⁹ Бисмарк О. Мемуары Железного канцлера. М., 2003, с. 573—579.

Пулеметная команда на позиции

Германский канцлер справедливо полагал, что образование Тройственного союза было вызвано намерением русской стороны сделать Германию зависимой от России. Экономическое развитие Германской империи настолько превосходило русское, что политическое давление России на немецкие земли было нестерпимым, и в этом отношении претензии Германии на континентальную гегемонию посредством освобождения от русской политики являются вполне обоснованными. Другое дело, что Германия вскоре поспешила перейти от экономической гегемонии к планам военно-политического диктата, опираясь на свой союз с Австро-Венгрией 1879 года. А это уже не могло устроить ни Россию, ни Францию.

В своей борьбе с Великобританией Россия всегда так или иначе старалась опираться на Пруссию. Немцы же поспешили отказаться от союза с Россией, имея перед глазами громадные успехи своей индустрии. Этот шаг стал первопричиной раскола дотоле единой континентальной Европы на два враждующих антагонистических блока. Как считает Н.А. Нарочницкая, «австро-германский союз 1879 года стал роковой вехой, началом оформления коалиций, которые в дальнейшем столкнулись в Первой мировой войне. Германия дорого заплатила за этот маневр Бисмарка, так как этот договор лишь привел к провалу главной цели самого “железного канцлера” – изоляции Франции. Прямым следствием этого стало в 1893 году соглашение России и Франции»²⁰.

Вдобавок пропаганда отчаянного шовинизма с оттенками расистского мировоззрения не могла способствовать улучшению отношений Германии со всеми ее соседями. Здесь надо напомнить, что корни духа германского милитаризма крылись в скрытой подмене христианства (протестантизм) религиозными веяниями древнегерманских верований. Именно в начале XX столетия в Германии переживает расцвет ницшеанство как определенной степени верх интеллектуальных размышлений о язычестве.

²⁰ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003, с. 166.

Именно тогда немцы переходят на позиции неоязычества, постепенно, шаг за шагом, забывая о христианстве. Пиком данного процесса станет Третий рейх, созданный под руководством А. Гитлера, где откажутся уже даже и от язычества, и от религии вовсе. Антихристианский и античеловеческий дух гитлеровского государства был понятен уже современникам, однако потребовались шесть лет Второй мировой войны, чтобы сломать адскую антихристианскую машину, столь отчаянно защищаемую обманутыми немцами.

Но вернемся в начало прошлого века. После Русско-японской войны 1904 – 1905 годов и Первой Русской революции 1905 – 1907 годов Российская империя оказалась окончательно и, наверное, уже бесповоротно (провал «Бьеркского соглашения» свидетельствует об этом), втянутой в созданный в апреле 1904 года англо-французский военно-политический блок Антанта. В.Н. Виноградов говорит: «Балансирование между двумя лагерями, англо-французским и австро-германским, стало основой российского внешнеполитического курса в 1905 – 1908 гг., в то время как нарастали противоречия между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией, с другой, из-за гонки морских вооружений и раздела сфер влияния в Африке»²¹.

Действительно, в ходе Русско-японской войны 1904 – 1905 годов, Россия потеряла свои позиции в Тихоокеанском регионе, борьба за который стала фактом еще при императоре Александре III. Понятно, что за спиной Японии стояли Великобритания и Соединенные Штаты Америки, опасавшиеся выхода на Тихий океан мощной и набирающей обороты экономической России. При прочих равных обстоятельствах Россия являлась куда более опасным конкурентом, нежели Япония (стоит только предположить, что могло бы быть в Тихоокеанском регионе, не будь мировых войн, где Россия и Германия ослабили друг друга во имя торжества «третьего радующегося»). Зато теперь морская мощь России оказалась чрезвычайно ослабленной (в Порт-Артуре погиб Тихоокеанский флот, а при Цусиме – Балтийский), что вынудило русских отказаться от направления своей экспансии на Дальний Восток.

Отказ от дальневосточной стратегии вынудил русских вернуть свою политику вновь в сторону Европейского континента, где России, связанной союзом с Францией, противостояла мощная Германия. Таким образом, английская политика сумела «возвратить» Россию в Европу, чтобы столкнуть русских и немцев во всевропейской бойне, выгадав более всех прочих. Разгром Германии означал утверждение и усиление британской морской гегемонии, а перекладывание тяжести грядущей войны на плечи России означал, что русские будут вынуждены длительное время зализывать свои раны, полученные в борьбе с германским промышленным колоссом. Следовательно, по окончании войны с Японией русско-британские отношения резко улучшились, что и означало на практике окончательное оформление Антанты.

И это невзирая на то, что единственной значимой целью русской экспансии в Европе могли стать только турецкие Черноморские проливы, защита которых от русских была одной из главных целей Великобритании на протяжении двухсот лет. Характерно, что тем самым Россия стала союзником страны, с которой она соперничала весь XIX век и которая являлась естественным геополитическим врагом русских. С другой стороны, Германия никоим образом не могла надеяться на успешное противостояние одновременно и с Россией, и с Великобританией.

Англо-германское соперничество на море и русско-германская конкуренция в области сельскохозяйственной продукции представляли собой основное противоречие германской политики. Нежелание германского императора Вильгельма II и его правительства отказаться от одного в пользу другого (подразумевается, что англо-германские противоречия были неразрешимыми) чрезвычайно помогло Великобритании привлечь Российскую империю к Антанте и отставить в сторону естественную геополитическую борьбу Англии и России, которой было пронизано все предшествующее столетие.

²¹ В «пороховом погребке Европы». 1878—1814 гг. М., 2003, с. 256.

Решение германского рейхстага о создании Флота Открытого Моря, бросавшего вызов английской гегемонии (самое важное – торговой гегемонии, подкрепляемой мощью военно-морского флота) в Мировом океане, предопределило мировую войну первой половины XX века. Поэтому первый лорд британского Адмиралтейства лорд Фишер еще 14 марта 1908 года писал своему королю Эдуарду VII о неизбежности войны с Германией, которая тогда «не сможет проводить торговую экспансию». Король согласился с мнением главы британской морской мощи. И уже в октябре в письме русскому министру иностранных дел А.П. Извольскому адмирал Фишер обещал за твердое следование антигерманскому курсу и сосредоточению сухопутных сил на западной границе помочь России в благоприятном для нее разрешении проблемы Черноморских проливов²². Как легко отдавать то, что тебе не принадлежит...

Но могло ли быть иначе? Бурно набиравшая темпы германская промышленность требовала рынков сбыта, а это, в свою очередь, требовало торгового флота и стратегических железнодорожных магистралей, пересекавших континенты Старого Света. Молодая и агрессивная немецкая экономика – против старого и опытного британского морского и промышленного могущества. Все прочие страны, за исключением обладавших громадным потенциалом России и Соединенных Штатов Америки, должны были послужить статистами в этой борьбе. Однако если США сумели воспользоваться выгодами своего географического положения, отсидевшись за Атлантикой, и воспользоваться плодами европейской бойни сполна, то Российская империя пошла на поводу у Великобритании и проиграла все, что имела в своих активах.

Атака немцев в лучах русского прожектора

Современными исследователями отмечается, что перед Первой мировой войной в Германии существовали две внешнеполитические программы, за которыми стояли определенные группировки. Первая программа – юнкерская («аграрная») – пользовалась поддержкой рейхсканцлера, Генерального штаба и высшего генералитета. Ее смысл заключался в разгроме Франции и отказе от колониальных захватов: «сделать Германию первой среди континентальных

²² См. Виноградов К.Б. Буржуазная историография Первой мировой войны. М., 1962, с. 104.

стран». При этом франко-германская война рассматривалась как часть решающей войны с Россией.

Вторая программа – буржуазная («промышленная») – поддерживалась руководством военно-морского флота, финансово-промышленными кругами и самим кайзером Вильгельмом II. Здесь Россию и Японию видели в качестве союзников, а Великобританию и, в перспективе, США – противниками. Здесь речь шла уже о достижении не континентального, а мирового господства. Забегая вперед, можно сказать, что именно давление юнкерских кругов, составлявших верхушку немецкого генералитета, заставило кайзера Вильгельма II принять роковое решение в июле 1914 года, бросив вызов всему миру сразу.

Следование различным программам ставило и различные сроки в перспективе развития. В итоге германская армия готовилась к борьбе с Францией и Россией не позднее 1915 года (готовность русских вооруженных сил к решающему столкновению в 1917 году), а флот – к войне с Англией не ранее 1920 года (готовность германского флота к равной борьбе с британским). Это противоречие не могло быть разрешено ввиду намерения русских чрезвычайно усилить свои вооруженные силы как раз к тому же самому 1920 году. Достичь победы в противостоянии с Великобританией можно было лишь путем отказа от войны с Россией, и наоборот. Соответственно, «ястребы» военно-сухопутной партии всячески подталкивали кайзера к войне, выдвинув в дни сараевского кризиса июля 1914 года формулу: «Теперь или никогда!»²³

Представляется, что выход из этого противоречия, если и был, то для его поиска требовались чрезвычайная ловкость и хитроумие. Был ли такой государственный человек в Германии начала XX столетия? Сам смысл войны носил ярко выраженный характер англо-германского соперничества, и не столько из-за стремления Германии к переделу колоний, сколько вследствие бурного развития немецкой промышленности с 1890 года и строительства торгового флота (военно-морской флот здесь не более чем охрана торговли) для самостоятельного выхода немцев на мировые рынки, без британского посредничества. Так что во многом отказ от борьбы с Великобританией означал бы отказ от транспортировки товаров собственной промышленности, а без этого вообще нельзя было претендовать на какое-либо лидерство даже и в Европе.

Вся проблема заключалась в том, что если на суше подготовка Германии к Большой Европейской войне опережала подготовку потенциальных противников – Франции и России, то на море, напротив, Великобритания имела существенную фору. Единство же Антанты, при всех надеждах германского высшего военно-политического руководства на английский нейтралитет, все равно побуждало готовиться и к наиболее неблагоприятному развитию событий – войне против всей Антанты и на суше и на море. Кроме того, британцы имели прекрасный опыт умелого использования континентальных держав для достижения целей Англии – печальный опыт Наполеона есть вящее тому подтверждение. И в Германии это отлично понимали, справедливо полагая, что британцы не станут пассивно ждать, пока немецкий военно-морской и торговый флот достигнет размеров английского Гранд-Флита. Недаром русский военный агент в Берлине еще в 1909 году отметил: «Немцы хорошо понимают, что на континенте время против них, время – союзник России и славянства, то есть как раз обратное тому, что на море, где время за них. В этой двойственности положения Германии – весь ключ современного военно-политического положения и причины решающей роли Англии»²⁴.

С другой стороны, позиция «промышленной» партии также была довольно шаткой. Совершенно справедливо уловив смысл борьбы, она должна была учитывать, что в XIX веке

²³ См. Приложение III: Галактионов М. Париж, 1914 (Темпы операций). М., 2001.

²⁴ Цит. по: Сергеев Е.Ю., Улунян А.А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900—1914. М., 2003, с. 182.

Россия уже однажды выступила орудием Великобритании в борьбе с европейским гегемоном – наполеоновской Францией. То же самое повторялось и теперь. Русские безоглядно бросились в объятия традиционного и естественного врага, как только потерпели от него же поражение на Дальнем Востоке.

Подобная политика делала позицию Российской империи непредсказуемой, но, скорее всего, зависимой от позиции Франции, являвшейся единственным непримиримым врагом Германии на континенте. Соответственно, выступление Франции против Германии практически неизбежно предполагало и выступление России. Лишь выдающиеся политические деятели могли примирить традиционные монархии Европы, или хотя бы не допустить широкомасштабного столкновения, однако ни в Германии после смерти Отто фон Бисмарка, ни в России после гибели Петра Аркадьевича Столыпина таких людей не осталось.

Конечно, российский император Николай II, который, впрочем, чем дальше, тем больше зависел от «потока событий», понимал, что русско-германская борьба прежде всего станет выгодной не для самих немцев и русских. О том же предупреждали и прогермански настроенные монархисты в высших придворных кругах Российской империи. Неоднократно цитированная в историографии «Записка» консерватора и германофила, бывшего министра внутренних дел П.Н. Дурново, представленная императору Николаю II в феврале 1914 года, явилась всего лишь запоздалым концентрированным выражением мнения тех кругов, что не желали рвать традиционно дружеские связи с Германией ради англо-германского соперничества и британских интересов.

Как раз эти самые круги отчетливо представляли себе, что союз двух традиционных геополитических противников – Великобритании и России – не может не быть, согласно старинной степной поговорке, «союзом всадника и лошади», то есть – один едет, а другой везет. И роли были заведомо распределены. Если учесть, что с русской стороны на кону стояло нежелание зависимости от Германии в обмен на зависимость от Франции, то с британской – безопасность установившейся монополии Англии на мировые торговые перевозки. Капиталистическая модернизация начала XX столетия в России так или иначе предполагала внешнюю зависимость вследствие категорической нехватки внутренних ресурсов (на жестокую, но быструю индустриализацию, подобную сталинской, царизм не отважился бы пойти). Как видно, англичане выигрывали куда больше русских.

Указывая, что жизненные интересы Германии и России нигде не пересекаются, П.Н. Дурново сделал акцент на том обстоятельстве, что Российская империя имеет перед собой самые неблагоприятные перспективы даже и в случае победы, которой еще надо добиться. В любом случае российская монархия проигрывала. Были представлены следующие положения, подтверждающие мысль об итоговом проигрыше России в случае непосредственного вооруженного участия в англо-германском противоборстве:

общее ослабление монархического начала в Европе;

неизбежность беспросветной анархии в России как следствие Большой Европейской войны;

вероятность еще большего увеличения доли нерусских народностей в составе империи в случае присоединения новых территорий (Познань, Восточная Пруссия, Галиция, Черноморские проливы);

окончательная потеря связи с традиционно дружественными странами Центральной Европы;

неизбежная финансовая зависимость от англо-французских союзников.

Конечно, этот меморандум был запоздалым и уже не мог повлиять на сложившуюся расстановку сил в Европе. Ведь в случае волевого усилия по слову всей уже заблаговременно выстроенной системы Россия оказывалась в условиях международной изоляции, в условиях открытого противостояния монархической власти и буржуазного общества, связанного с запад-

ными державами политически и экономически, и тем более не могла избежать войны. Просто «Записка Дурново» подвела итог царствованию императора Николая II в международных рамках, как итог внешней политике России последнего десятилетия. И итог этот действительно оказался безрадостным.

Военные ученые, служившие в разведке и контрразведке, также предупреждали, что участие Российской империи в Большой Европейской войне против Германии явится той силой, что будет лить воду на британскую мельницу. Например, за год до войны выходит работа А.Е. Вандама-Едрихина «Величайшее из искусств (Обзор современного положения в свете высшей стратегии)», где автор недвусмысленно говорит, что разрешение англо-германского конфликта теперь «возможно не единоборством Англии и Германии на Северном море, а общеевропейской войной при непременном участии России и при том условии, если последняя возложит на себя, по меньшей мере, три четверти всей тяжести войны на суше». А.Е. Вандам несколько преувеличил силы Российской империи, но половину сил неприятельской коалиции действительно взяли на себя русские. В то время как русские и немцы упорно резали друг друга на полях Польши и Галиции, британцы методично прибирали к рукам германские колонии, восстанавливая английский диктат в Мировом океане. А.Е. Вандам далее указывает, что необходимость участия России в схватке вытекает вовсе не из военной слабости Великобритании, как полагали в российском военном министерстве, а из геополитического фактора. Англия не может вести войну с Германией без союза с Россией «потому, что ей нельзя оставить Россию со свободными руками и не втянутой в дело армией, в то время как сама она будет занята войной, так как иначе все руководство событиями перейдет тогда от нее к России»²⁵. В своем мнении Вандам был не одинок. И случайно ли, что об опасности войны для России предупреждали именно выдающиеся люди? Случайно ли против союза с Великобританией в ее соперничестве с Германией выступали такие военные ученые, как А.Е. Снесарев и А.А. Свечин? Те люди, которых называли «русским Сунь-Цзы» и «русским Клаузевицем» соответственно? Почему верховная власть слушала бездарностей, по типу лидера российских «ястребов» великого князя Николая Николаевича или последнего предвоенного начальника Главного управления Генерального штаба ген. Н.Н. Янушкевича, прославившегося разве что своей воинской бездарностью и вопиющим антисемитизмом?

²⁵ Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия. М., 2002, с. 174, 185.

Атака

Возможно, что частично выправить ситуацию могли бы действия верховного руководства страны во время самой войны, направленные на рациональный государственный эгоизм во внешней политике, подобно тому поведению, к которому перешли наши англо-французские союзники с конца 1914 года. Но, как свидетельствуют дневники французского посла в России М. Палеолога, император Николай II всю войну носился с идеями расчленения Германии, лишения династии Гогенцоллернов императорской короны и тому подобными бредовыми проектами. Ведь в этом случае Россия не только лишалась естественного геополитического союзника на континенте, но и передавала куски бывшей единой Германии под экономическую власть союзников. Только одно это обстоятельство (если, конечно, признания М. Палеолога являются правдой) показывает отсутствие настоящего государственного ума у последнего правителя Российской империи. Да и еще перед войной «представлялось, что победоносный ход военных операций укрепит трон. В беседе с Палеологом царь прикидывал будущие российские приобретения, включая Черноморские проливы. Империалистическое шило высунилось из мешка»²⁶.

Правда, необходимо отметить, что к такой точке зрения российского императора неизменно подталкивало все его ближайшее окружение. Например, в 1916 году «историк» императорской фамилии великий князь Николай Михайлович добивался у Николая II права стать главой русской делегации на будущей мирной конференции по итогам войны. Соответственно, великий князь в своих письмах на имя царя выдвигал те или иные мысли и проекты. Что касается предстоящего расчленения Германии, то Николай Михайлович в личном письме от 26 июля 1916 года определенно указывал: «В центре Европы выгоднее иметь разноплеменную и слабую Австрию, чем сильную Германию. Вот и надо обратиться, в случае полной победы, к унижению и расчленению Германии. Шлезвиг-Гольштейн отдать Дании; Эльзас и Лотарингию – Франции; Люксембург – Бельгии; часть устьев Рейна – Голландии; Познань – Польше; часть Силезии (Саксонскую) и часть Баварии – отдать Австрии»²⁷. Бесспорно, немцы в случае победы

²⁶ Виноградов В.Н. 1914 год: быть войне или не быть // Новая и новейшая история, 2004, № 6, с. 20.

²⁷ Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю). М.—Л., 1925, с. 77.

поступили бы с побежденными куда хуже. Но вот даже своего верного союзника Австро-Венгрии германское руководство не рассчитывало усиливать, бросив австрийцам экономически незначительные кусочки от Италии, Польши и Украины. И этому великому князю порой рачтаются дифирамбы именно как «историку». Знал ли он историю вообще, или сочинял полуканекдотические писания о династии Романовых в духе, скажем, К. Валишевского?

К сожалению, в 1914 году не пожелала коренным образом переменить свою внешнюю политику и Германия, где антирусские настроения получили чрезвычайно широкое распространение и укоренились не только в верхах, но и среди населения. Так, с января 1914 года в Германии вступил в силу закон «о двойном гражданстве». Согласно этому закону, всем этническим немцам, независимо от места их проживания и гражданства, предоставлялась возможность получения второго, германского, подданства. Эта мера – разыгрывание «этнической карты» – стала предвестником войны.

Проще говоря, Германия готовилась к войне с конкретным противником. И этим противником являлась даже не столько Франция, сколько Россия. Бесспорно, что подготовить нацию к войне с «варварской Россией» было несколько проще, нежели с «прогнившей Францией». Против императорской России выступала влиятельная и могучая германская социал-демократия, воспитанная К. Марксом и Ф. Энгельсом в ненависти к монархизму. А наиболее консервативной монархией в Европе в начале XX века, бесспорно, была Россия. Вдобавок в Германии рассчитывали на быстрое крушение Франции, после чего следовала затяжная борьба с Россией: людей следовало психологически готовить к нелегкому противоборству с восточным гигантом.

Колебания императоров Вильгельма II и Николая II в последние июльские дни 1914 года накануне войны и глупейшие телеграммы, которыми обменивались государи могущественных континентальных держав, пытаясь сохранить мир под взаимную милитаристскую диктовку, лишний раз доказывают, насколько война между Германией и Россией была неестественной и ненужной. Однако знаменательно, что и немецкое руководство до последнего момента рассматривало Великобританию как нейтрального арбитра в международном споре. И это при том, что германские власти отлично понимали суть назревавшей войны и истинный расклад сил. Настолько Великобритания сумела поставить себя.

Получается, что один только руководитель морского ведомства Германии адмирал А. фон Тирпиц выказал настоящий государственный ум, настаивая на дружбе с континенталами и борьбе с Англией, то есть не на суше, а на морях. В России к 1914 году не оказалось даже и одного человека такого уровня в высших эшелонах власти. Разве что отставленный от дел С.Ю. Витте. Поэтому так часто и вспоминают П.А. Столыпина, который вполне мог оказаться могучим противником войны, всегда предпочитавшим худой мир доброй ссоре. Возможно, что его назревавшая отставка незадолго до трагической гибели в качестве одной из причин имела и внешнеполитические взгляды этого выдающегося деятеля дореволюционной России, настойчиво продолжавшего требовать двадцати лет мира в условиях, когда Европа уже давно последовательно и неумолимо скатывалась в мировую бойню.

«Записка Дурново» (февраль 1914 года), которой следовало бы появиться лет на пять раньше, действительно служит пророческим предостережением каждому главе государства, который пытается вести свою страну по надуманному, заведомо нежизнеспособному пути. История нашей страны отчетливо показывает, как русские, помогая кому-либо, уже через какие-нибудь пятнадцать – двадцать лет видели этого самого благодетельствованного «друга и союзника» на своих границах с оружием в руках; как, испытав горечь поражения и унижения, приходилось начинать все сначала; как, напрасно разбросав силы и средства, мы вновь оказывались у разбитого корыта, в то время как наши же вчерашние союзники, жирея от полученной выгоды, уже прикармливали против нас вчерашнего вроде бы тогда еще общего противника. Яркий пример: англо-австро-французская коалиция 1814 года против России и Пруссии,

сорванная только лишь возвращением Наполеона с острова Эльба, и самоубийственная реакция на это русского руководства.

А все потому, что в России привыкли строить внешнюю политику, исходя из надуманных схематичных построений псевдоидеологического толка, в которых действительные национальные и государственные интересы всегда оказывались на втором плане.

Россия и Германия

Противоборство Великобритании с Германией фактически было неизбежным и определяло собой все политические процессы в Европе в начале XX столетия. Российская империя никоим боком не попадала в активное участие в этой борьбе. Самым естественным и логичным для страны, пережившей неудачную войну и революцию, только-только приступившей к буржуазной аграрной реформе и индустриальному подъему, было бы занятие позиции «третьего радующегося». То есть – той позиции, которую столь часто занимала Великобритания, на протяжении столетий искусно ведшая борьбу с любым претендентом на европейскую гегемонию. Капиталистическая модернизация требовала тех самых «двадцати лет внешнего и внутреннего покоя», о которых говорил П.А. Столыпин.

Император Николай II в походной форме

Интересы России не пересекались с чьими-либо еще до такой степени, чтобы рисковать своим участием в мировой войне. Можно, конечно, возразить, что остаться в стороне было чрезвычайно тяжело. Это так, но для чего же тогда существует дипломатия? Ведь при императоре Александре III союз с Францией уже существовал, но никакой жесткой зависимости в области внешней политики и близко не было. Ведущие русские политические деятели отлично сознавали, что доминирующим фактором международных отношений являлось англо-германское соперничество, которое не могло не затронуть Россию.

При этом русские зачем-то упорно стремились занять свое место в одном из блоков. Ориентация на Францию, наряду с германской нетерпимостью, логично означала, что это место находится в проанглийском блоке. Ясно, что Российская империя скорее теряла бы, нежели

выигрывала. Потому русская сторона пыталась встать туда, где можно было бы получить большие выгоды. По мысли современных историков, «победа Англии в мировом соперничестве сопровождалась бы меньшим нарушением европейского равновесия, нежели победа Германии, которая грозила России низведением ее до уровня второстепенной державы. Поэтому в отношении выбора внешнеполитической ориентации среди партий правительственного и либерального лагерей царило значительное единодушие: все они после боснийского кризиса [1909 года] выступали за укрепление союза с Францией и отношений с Англией при известной свободе балансирования между Антантой и Тройственным союзом “соответственно собственным целям”. Лишь крайне правые, выражавшие интересы крепостнического дворянства и реакционной бюрократии, выступали за ориентацию внешней политики России на Германию, за разрыв союза с Францией и соглашения с Англией»²⁸.

Позволим себе несколько не согласиться с приведенным мнением. Во-первых, победа Германии в ее интерпретации германским руководством фактически означала становление первой европейской (пока, правда, еще не мировой) сверхдержавы, то есть все прочие страны (а не только Россия) оказывались низведенными «до уровня второстепенной державы» (о чем и сами авторы данной вышецитированной монографии говорят на с. 452). Мировая война своим результатом предполагала европейскую гегемонию какого-либо одного блока, в котором одна из стран стала бы играть первенствующую роль. Как известно, именно такое положение образовалось и после победы союзников в Первой мировой войне (только главных держав стало две – Франция и Великобритания), и лишь наличие «третьей силы» в лице постепенно набравшего мощь Советского Союза изменило европейское равновесие (несомненно, что возрождение мощи гитлеровской Германии стало следствием опасения СССР со стороны Запада).

²⁸ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997, с. 373.

Император Вильгельм II

Возможно, справедлив тот вывод, что мировые войны так или иначе подразумевали установление чьей-либо гегемонии в Старом Свете и сверхдержавный статус победителя в Европе. При определенных условиях эта гегемония могла стать всемирной. И какова была бы роль России в случае несостоявшейся революции 1917 года, еще большой вопрос: политика союзников в отношении Российской империи отчетливо подчеркивала их нежелание грядущего усиления русской мощи.

Во-вторых, «крепостнические» замашки и «реакционность» кругов, ориентирующихся на Германию, есть ярлыки, наклеенные еще представителями либеральной буржуазии, жаждавшей введения в России парламентаризма по европейскому образцу. Даже западные авторы упоминают, что «в то время как правительство избрало в качестве основного мерила своей

деятельности успехи германской империи, российские оппозиционеры связывали свое настоящее и будущее с английским парламентаризмом или с французской революцией»²⁹. Следовательно, нечто подобное предполагалось и в России. А именно – не дуалистическая монархия по германскому образцу, где императором полностью контролировалась исполнительная власть и с помощью верхней палаты парламента (Государственного совета) блокировалась нежелательная законодательная инициатива Государственной думы, а парламентарная монархия.

Бивуак

В этом случае крупный капитал, густо расположившийся в среде либеральных партий, получал открытый и контролируемый им доступ к законодательству Российской империи. Патриархальный монарх в традиционном обществе – эта сила должна была быть сломлена, дабы расчистить дорогу русскому олигархическому капитализму, за спиной которого стоял франко-британский капитал: как в силу фактора политической поддержки, так и в результате принадлежности верхушки российского парламента к международному масонскому движению. Дело не в принадлежности к тайной организации «вольных каменщиков», которая уже давно перестала быть тайной, а в объеме контролируемых членами этой организации мировых финансовых потоков.

Вот это уже серьезно. И монархия стояла на пути громадных денег, вливавшихся в Россию и выливавшихся из нее. Деньги должны контролировать власть, а не власть – деньги. Это – принцип мирового капитала. Его интересы в России представляли либеральные политические партии, получившие легитимацию в ходе Первой Русской революции 1905 – 1907 годов. Давление либералов на правительственную политику сказалось и на международных отношениях: «В преддверии мировой войны руководство России, понимая неудобство геополитической конфигурации западных российских рубежей и недостаточную готовность России к войне, стремилось уклониться от назревающего конфликта. Но непосредственно перед войной ее внеш-

²⁹ Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905—1907 гг. – 1917—1922 гг. М., 1997, с. 10—11.

няя политика активизировалась, чему способствовали не только великодержавное мышление, имперские традиции правящих кругов, но и возрастающее давление политических партий»³⁰.

Либеральные эксперименты ярко проявили себя в марте – мае 1917 года, доказав свою полную непригодность к тогдашней русской действительности, так что вполне можно уже отказаться от этих политизированных клише. В любом случае, как показала история, ориентация России на Запад не принесла нашей стране тех надежд и дивидендов, что возлагались на этот союз. Другое дело, что агрессивная внешнеполитическая деятельность Германии вынуждала остальные державы объединяться для противодействия агрессии, однако этот факт еще не означает какой-то «реакционности» германофилов.

С другой стороны, действительно, намечая захват колоний своих противников (то есть фактически всех европейских государств) и территориальные приращения за счет Франции и России, германское политическое руководство предусматривало закрепление итогов войны путем создания так называемой «Срединной Европы». Европы, как экономического союза Западной и Центральной Европы под немецким руководством. То есть, «иными словами, милитаристская германская империя намеревалась создать новую политическую структуру Европы и ее связей с другими регионами мира».

С этой точки зрения вступление Российской империи в Антанту не выглядит так уж скверно. Единоборство с Германией и ее союзниками было не под силу России, а желание немцев двинуться на Восток отчетливо проявляется после смерти старого императора Вильгельма I и экономического рывка Германии в конце XIX – начале XX века. Причем – двинуться в качестве оголтелых завоевателей, жаждавших отнять у России Прибалтику и Польшу, а в перспективе и Украину. «Расширение жизненного пространства на Восток» было придумано и впервые применено на практике вовсе не Гитлером. Разница – в масштабах и бесчеловечности реализации. И условия Брестского мирного договора 3 марта 1918 года являются вящим тому подтверждением – столь жестких условий не имел и Версальский мир, почему-то ставший в Европе синонимом несправедливости по отношению к побежденному.

Любое политическое соперничество подразумевает в своей основе экономическое противостояние. Так, в 1892 – 1893 годах Германия заключила ряд таможенных договоров, по которым тарифы, предоставляющие право наибольшего благоприятствования в отношении сельскохозяйственных продуктов, были предоставлены практически всем европейским странам, а также Соединенным Штатам Америки, Аргентине, Мексике. Вне соглашений осталась только Россия. Эта акция германского правительства положила начало «таможенной войне» на восточной границе.

Новая русско-германская торговая конвенция 1894 года на время приглушила остроту противоречий, вплоть до заключения чрезвычайно невыгодного Российской империи торгового договора 1907 года, навязанного России Германией за спокойствие на западных границах после поражения в Русско-японской войне 1904 – 1905 годов. Согласно новому торговому договору, ряд отраслей российской промышленности, в том числе машиностроение и химическое производство, лишился таможенного покровительства, что позволило немцам перехватить инициативу в конкурентной борьбе. Этот торговый договор, по определению современников, предполагал «экономическую дань» Германии со стороны России. Неудивительно, что накануне войны российский экспорт в Германию составлял тридцать процентов от всего экспорта, в то время как столько же приходилось на Францию, Великобританию и Бельгию вместе взятые³¹.

³⁰ Зубачевский В. А. Политика России в отношении восточных территорий Центральной Европы. 1912—1921 гг. // Вопросы истории, 2009, № 9, с. 107.

³¹ Россия накануне Первой мировой войны (Статистико-документальный справочник). М., 2008, с. 190—191.

Пересмотр данного договора намечался в 1916 году, и этот срок также стал точкой отсчета скатывания Европы в конфликт для русского военно-политического руководства, так как русские твердо намеревались свернуть договор, а это было невыгодно Германии. К примеру, немцы продавали в Россию муку из русского же хлеба, тем самым вдвое увеличивая свои доходы – за счет таможенной льготы и перепродажи полуфабриката из полученного в стране-покупателе сырья. За два с половиной месяца до войны, 1 мая 1914 года, император Николай II подписал закон об обложении ввозимого хлеба таможенной пошлиной, что снижало доходы Германии. Этот закон стал первой ласточкой в ряду намечавшегося законодательства антигерманского характера в таможенном отношении. Дальнейшему помешала немецкая агрессия.

В тот момент, когда оба военно-политических блока стремились к разрешению перезревших противоречий между собой только силой, определенные выгоды получал тот, кто успевал первым подготовиться к войне и, соответственно, своевременно для себя развязать ее. К концу десятых годов XX столетия немцы стали торопить войну уже только потому, чтобы успеть использовать свое военное преимущество, которое должно было быть подорвано после окончания к 1917 – 1918 годам глобальной военной реформы в России. Той самой реформы, которая должна была кардинальным образом перевооружить русскую армию, сделав Российскую империю достойным соперником ведущих держав в военном отношении.

Конечно, это довольно глупо: воевать только потому, что твой сосед пока не готов к Большой войне, однако такова логика военных, под которую подпадало политическое руководство всех стран, и прежде прочих – Германской империи во главе с императором Вильгельмом II и канцлером Т. фон Бетман-Гольвегом. Вдобавок усиление экономической мощи Российской империи предполагало одновременное усиление ее вооруженных сил. А именно этого боялись желавшие главенствовать в Европе и Великобритания и Германия.

Окопы

Возможно, что боялись справедливо, так как гегемонистские устремления русского политического истеблишмента вообще и императора Николая II в частности были широко известны, а строительство мощного флота после 1909 года угрожало тому «равновесию на морях», что сложилось в пользу англичан и собиралось быть пересмотренным немцами. Правда, русские желали лишь распространить свое влияние на Восточную Европу и Балканы (параллельно развалив Австро-Венгрию, чтобы вывести из-под немецкого влияния славян-

ские народы), а не приобрести всеевропейское господство, как того хотели германцы. Ученый пишет: «Никогда не претендовала на господство в Европе и царская Россия, хотя британцы боялись этого вплоть до 1854 года, а немцы развязали Первую мировую войну отчасти из-за того, что быстрое экономическое и военное развитие России заставило рассматривать ее как потенциального гегемона до тех пор, пока практика не доказала обратное»³². Иными словами, Россия практически не могла остаться в стороне от мировой войны. Тем более – с тем правительством, либеральной оппозицией и военным истеблишментом, что были в июле 1914 года.

Существовали и теоретико-умозрительные рассуждения. Ведь любое обоснование широкомасштабной агрессии должно предполагать какое-то идеологическое оправдание. После того как в 1909 году канцлером Германской империи вместо Бюлова стал Бетман-Гольвег, среди окружения кайзера Вильгельма II приоритет получила концепция Миттельойропы, согласно которой Россия объявлялась главным врагом Германии. А новая политическая структура – «Великогермания» от Ладожского до Женевского озера – подразумевала смертельную схватку со всеми государствами континента, еще не подверженными германскому влиянию.

Перенос акцентов в расстановке вероятного противника и главного врага с Великобританией на Россию стал основным просчетом германской международной политики, который и привел немцев к поражению в Первой мировой войне. Как раз германо-русский союз, или по крайней мере твердый нейтралитет, делал невозможной Большую Европейскую войну. Следовательно, под прикрытием такого союза немцы вполне могли поспорить с Великобританией за мировое владычество. Так что ничуть не удивительно, что Британская империя, буквально только вчера, в 1905 году, выступавшая яростным противником России, подтолкнувшим Японию к войне с русскими и субсидировавшим эту войну, вдруг вспылала к России столь «странною любовью» в 1906 году.

Единственная абсолютно антигермански настроенная континентальная держава – Франция – уже создала коалицию с Англией, как только во Франции осознали, что англичане являются такими же последовательными врагами Германии (пусть даже эти две страны и преследовали различные цели в предстоящем противоборстве с немцами). Но та же Франция состояла в военном союзе и с Россией, причем в принципе равноправный союз в 1906 году сменился экономической, а следовательно, и всякой прочей зависимостью Российской империи от Французской республики, предоставившей денежный заем на подавление Первой Русской революции.

То есть зависимость России от Франции в финансовом и экономическом, а следовательно, и политическом отношении, окончательно закрепились после Первой Русской революции 1905 – 1907 годов. Эта зависимость сменила то равноправное партнерство, что подразумевала военная Конвенция 1892 года. Во время октябрьской стачки 1905 года, когда Российской империи грозило банкротство как государству и министр финансов предложил прекратить размен бумажных денег, окончательно рухнула идея, вынашиваемая русским премьер-министром (председатель Комитета министров) С.Ю. Витте о возможности лавирования России между Германией и Францией как третьей силы, не привязанной жестко к какому-либо военно-политическому блоку.

С.Ю. Витте надеялся получить существенный денежный заем при помощи международного финансового консорциума, чтобы не допустить зависимости от Антанты и тем самым не обострять отношений с Германией. Однако прибывшие в Санкт-Петербург в самый разгар стачки представители консорциума отказались от предоставления займа. Отказали и немцы, злорадствовавшие по поводу возможного развала русской государственности. И потому в начале 1906 года русские получили заем только в одном месте, где его согласились предоставить – во Франции (2,25 млрд франков – 8,4 млрд рублей).

³² Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007, с. 99.

Общие расходы на дальневосточный конфликт составили около двух миллиардов рублей. И потому после Русско-японской войны русская финансовая система оказалась настолько расстроенной, что «только французский займ 1906 года, давший чистую выручку в 698,9 млн руб., позволил сбалансировать бюджет 1906 года и избежать краха»³³. В дальнейшем финансовая зависимость России от союзников лишь возрастала. Французы не могли допустить переориентации восточного колосса на традиционный путь сотрудничества с немцами.

По данным А.М. Зайончковского, в 1908 году внешний долг царской России составлял восемь с половиной миллиардов рублей, из которых пять с половиной миллиардов были размещены во Франции. К началу Первой мировой войны восемьдесят процентов внешнего долга Российской империи относилось на долю парижских банков, кроме того, французы владели тридцатью двумя процентами всех иностранных инвестиций в России. Львиную долю своей золотой наличности Россия также держала во Франции. Государственный долг России в 1913 году достигал цифры в 8,858 млрд рублей, и только выплата по процентам в год доходила до 183 млн рублей. Впрочем, эти цифры были сопоставимы с государственным долгом других великих держав. Например, Франция на 1911 год – 12,209 млрд руб., Германия на 1912 год – 9,491 млрд руб., Великобритания на 1913 год – 6,727 млрд рублей³⁴.

Русская дипломатия не сумела после Первой Русской революции, повлекшей за собой экономическую зависимость от Франции (кабинет Леона Буржуа даже размышлял о *правомерности* предоставления займа в 1905 году на подавление революции стране, с которой его родина находилась в военно-политическом союзе.), устоять на рубеже «золотой середины», хотя это и правда была тяжелейшая задача. В конечном итоге кабинет М. Рувье пошел навстречу русским только потому, что Франция рассчитывала на поддержку России на Альхессирасской конференции 1906 года. Разумеется, отношения с Германией были испорчены фактически окончательно и бесповоротно, однако повторимся, что, прежде чем обратиться к французам, С.Ю. Витте просил денег у немцев.

В результате массы уступок на международной арене и дипломатических провалов (во многом обусловленных объективной слабостью России) русского министра иностранных дел А.П. Извольского, ослабивших позиции Российской империи вообще, и на Балканах в частности, максимум достигнутого остановился на последовательном и убежденном западничестве его преемника С.Д. Сазонова. Отступление Российской империи в ряде международных кризисов, наиболее тяжелым из которых оказался Боснийский кризис 1908 – 1909 годов, показало Европе, что русские еще не готовы к Большой войне. В то же время бессилие русской дипломатии, проистекавшее из военно-экономического бессилия страны, заставило верховную власть поторопиться с военной реформой.

В свою очередь, немцы, решительно и грубо поддержавшие Австро-Венгрию в ходе Боснийского кризиса, окончательно оттолкнули от себя Россию. Теперь становилось ясно, что в случае австро-русской войны на сторону австрийцев безоговорочно встанут немцы, а на сторону русских, следовательно, французы, как только Германия выступит против России. Получив временный успех и унизив Российскую империю, германское руководство одержало «пиррову победу», чреватую катастрофой в случае Большой Европейской войны. Отечественный исследователь справедливо отмечает: «Блок Центральных держав одержал внушительную победу. Берлин безоговорочно встал на сторону союзника; у руководителей аусамта не хватило ни политической дальновидности, ни элементарного такта как-то подсластить преподнесенную самодержавию пилюлю. Традиции Бисмарка, умело балансировавшего между Веней и Петер-

³³ Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства. 1892—1914 гг. (Аграрный кредит в экономической политике царизма). СПб., 1997, с. 192.

³⁴ Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914—1917). М., 1960, с. 93—94; Россия накануне Первой мировой войны (Статистико-документальный справочник). М., 2008, с. 119.

бургом и не позволявшего загонять Россию в угол, были преданы забвению. На смену тонким маневрам пришли грубый нажим и отнюдь не дипломатический окрик»³⁵.

В 1866 году О. фон Бисмарк не позволил жаждавшим триумфа военным войти победным маршем в Вену, только что потерпевшую поражение при Сadowой. Унижение Австро-Венгрии не входило в политические расчеты «железного канцлера», привыкшего просчитывать политику на много ходов вперед. В итоге Австро-Венгрия стала военным союзником и экономическим сателлитом рванувшейся к европейской гегемонии Германии. Теперь же, когда Бисмарка уже не было, новым немецким руководством Россия была унижена до предела, что не могло не сказаться на развитии дальнейших русско-германских отношений.

К тому же после 1909 года очень многое в России определялось личностью министра иностранных дел, так как этот человек, как правило, подбирался в зависимости от общего внешнеполитического курса страны. Иначе говоря, если глава российской внешней политики являлся сторонником прочного союза с Западом против Германии, то действительно, исправить что-либо стало невозможным. Окончательный переход к политике ориентации России на Антанту и отказ от остатков маневрирования между Антантой и Германией связан с именем министра иностранных дел С.Д. Сазонова. Именно он «выступил инициатором превращения Антанты в военно-политический союз», а впоследствии рьяно добивался его расширения в годы войны³⁶.

Война с Японией в 1904 – 1905 годах, за спиной которой стояла Великобритания, стала главной причиной того, что предпосылки революционной ситуации вылились в революцию 1905 – 1907 годов. Борьба с революцией потребовала денег, что стало причиной финансовой зависимости Российской империи от своего французского союзника. Одновременно союзником Франции была та самая Великобритания, что способствовала японской победе в 1905 году и, следовательно, возникновению русской революции. Теперь и Великобритания стала союзником России. Вот такие хитроумные сплетения внешнеполитических комбинаций развели Россию и Германию «по разные стороны баррикад».

³⁵ В «пороховом погребке Европы». 1878—1814 гг. М., 2003, с. 261.

³⁶ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997, с. 296.

В преддверии войны

Зависимость Российской империи от Франции была весьма значительной, увеличиваясь год от года. Так, французские банки финансировали русскую промышленность, особенно ту ее часть, что была расположена на юге страны и работала на судостроение, добычу угля и нефти, торговлю зерном. Французы активно предоставляли займы на строительство стратегических железных дорог, особенно тех магистралей, что вели к границам: ускорение сосредоточения русских армий на западной границе и начало первых наступательных операций было жизненно важным для Франции в предполагавшейся войне с Германией. Все это – не говоря о частных инвестициях в российскую экономику.

Разумеется, финансирование Западом русской стороны означало, что русские будут обязаны воевать на стороне Франции против Германии, как только к тому представится случай. Недаром в декабре 1913 года французская газета «Корреспондент» указывала: «С момента заключения союза Франция ссудила России свыше семнадцати миллиардов франков, ожидая, что Россия со своей стороны всей своей военной силой поможет Франции. Франция свое обязательство выполнила, России остается сделать то же самое». Такое положение дел позволило А.А. Керсновскому даже заявить, что «уже в 1910 году Российская Империя вполне суверенным государством больше не являлась»³⁷.

С донесением на передовые позиции

Рост долгов имел следствием неспособность русской верховной власти сопротивляться политическому давлению со стороны Франции, вполне понимавшей все выгоды своего положения. Иными словами, внешние займы неизбежно предполагали внешнеполитические обя-

³⁷ Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994, т. 3, с. 138.

зательства – это и была плата государственной власти за капиталистическую модернизацию страны. В.В. Поликарпов указывает: «Предоставление займов богатыми державами наполнялось политическим смыслом. Внутренняя слабость, превращающаяся в слабость международную, привязывала политику Николая II к чужим стратегическим интересам»³⁸. Платить приходится всегда. Сталинский Советский Союз заплатил кровью и страданиями советского народа; современный Китай платит экологией. Царская Россия платила внешнеполитической зависимостью.

Финансовая зависимость от Франции неизбежно влияла и на стратегическую зависимость России. На предвоенных совещаниях Генеральных штабов французы предъявляли все новые и новые требования, а русские искали возможности и способы надлежащего удовлетворения претензий союзников. С каждым новым военным совещанием, проходившим в 1900, 1901, 1906, 1907, 1908, 1910, 1911, 1912, 1913 годах, русское оперативно-стратегическое планирование войны против Германии и Австро-Венгрии все более зависело от мнения своего французского союзника. Если в 1892 году ген. Н.Н. Обручев был совершенно свободен от давления союзников на свои военные планы, а в 1900 – 1904 годах ген. А.Н. Куропаткин мог разговаривать с французами на равных, то теперь руководители русского военного ведомства были вынуждены плестись в фарватере французских предложений. В частности, в начале 1912 года «Россия согласилась с предложением Франции скреплять протоколы совещаний начальников Генеральных штабов двух стран подписями министров. Это придавало им характер правительственных документов»³⁹.

Так, в августе 1911 года на совещании в Красном Селе начальник французского Генерального штаба генерал Дюбайль заявил, что русским необходимо приковать на Востоке пять-шесть германских армейских корпусов. Вряд ли французы имели в виду резервные корпуса, существование которых в 1914 году оказалось для них неприятным сюрпризом. Очевидно, что речь шла о перволинейных армейских корпусах. В 1914 году таковых на Востоке оказалось всего три (на Западе – двадцать два). Предполагалось, что помимо сковывания этих пяти-шести корпусов стремительное русское наступление в глубь Германии вынудит немцев ослабить свою группировку на Французском фронте еще до того, как французы потерпят решительное поражение. При этом Австро-Венгрия в расчет как бы особенно-то и не принималась. А ведь это почти восемьсот тысяч штыков и сабель перволинейных войск в 1914 году – восемнадцать корпусов по организационной составляющей.

Действительно, на прошедших в период с 1900 по 1913 год десяти совещаниях между французским и русским Генеральными штабами в конечном счете было закреплено подчинение русского стратегического планирования французским интересам. Это заключалось и в признании нанесения удара по Германии как минимум значительными силами (со своей стороны, русские всегда стремились бить по Австро-Венгрии), и в согласии на переход в наступление русских армий после пятнадцатого дня мобилизации (окончание русского сосредоточения предполагалось на сороковой день со дня объявления мобилизации). И дело даже не в том, что все это было в принципе правильно. Просто на осторожные русские намеки относительно принятия французской армией концепции стратегической обороны в первый месяц войны французы не обратили внимания.

Если до 1911 года, когда во французской военной мысли главенствовали идеи «старой школы», которая предполагала как раз стратегическую оборону как реальный шанс остановить немецкий «план Шлиффена», то впоследствии верх взяли мысли Ф. Фоша и ему подобных теоретиков, проповедовавших безудержное наступление как якобы исконно присущую француз-

³⁸ Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008, с. 182.

³⁹ Игнатьев А.В. Сергей Дмитриевич Сазонов // Вопросы истории, 1996, № 9, с. 30.

ской военной машине доктрину. Теперь французы, по примеру Наполеона, собирались только наступать, и наступать непременно во что бы то ни стало.

Русские никак не смогли переломить этих настроений, вызванных исключительно политической конъюнктурой и честолюбивыми амбициями новых выдвиженцев. Соответственно, французы стремились не только скорректировать в свою пользу планы русского Генерального штаба, посвященные предстоящей войне, но и установить контроль над усилиями русской армии, чтобы использовать по максимуму потенциал своего союзника. Имеется в виду, в первую голову, использовать такой значимый козырь, как численность русской армии – «русский паровой каток», как называли русскую армию на Западе. При этом операции на Западном фронте практически не подлежали обсуждению: французов более интересовало русское вторжение в Германию.

В окопах

Согласно предвоенным договоренностям, русские армии должны были нанести удар по цитадели германской монархии – Восточной Пруссии. Тем самым наступление на Берлин, чего требовали французы, откладывалось на некоторый срок, ибо русским следовало обезопасить свое движение к немецкой столице от флангового контрудара, каковой мог быть нанесен из Восточной Пруссии. Таким положением дел французы в принципе были удовлетворены, так как предполагалось, что и в этом случае немцы будут принуждены ослабить свою группировку, действующую во Франции. Но ясно, что прямое наступление на Берлин тем более вынуждало германское командование к переброске части войск с Запада на Восток, в чем, собственно говоря, и заключалась основная идея взаимодействия стратегий союзников по Антанте в начале войны против Германии и ее сателлитов.

Как известно, ген. Ж. Жоффр, ставший в августе 1914 года французским Верховным главнокомандующим, перед войной говорил, что наступление на Восточную Пруссию – это ловушка. Когда русская 2-я армия ген. А.В. Самсонова была уничтожена под Танненбергом, русские поклонники «французского гения» (например, русский военный атташе во Франции

граф А.А. Игнатьев) восторгались прозорливостью союзников. Однако генерал Жоффр вовсе не имел в виду отказ от восточнопрусской операции в пользу действий на Средней Висле. Французы полагали, что мощь русского Северо-Западного фронта должна быть направлена сразу на Берлин, вне зависимости от тылового обеспечения и угрозы германской восточно-прусской группировки безразмерно растягивавшимся русским тылам. Вряд ли надо пояснять, что в этом случае гибель ждала весь русский фронт. Но что до того было французам?

Своекорыстная (а потому логичная и, несомненно, патриотичная) политика англо-французов и их насаживание России на «крючок» денежных займов не только не дали Российской империи мало-мальской свободы маневра, но и, напротив, вынудили уже русских всячески укреплять Антанту, что на деле вело к неизбежному столкновению с Германией. Но кроме экономических противоречий как раз накануне войны русские столкнулись с немцами еще и в зоне Черноморских проливов. Прямым столкновением России и Германии в зоне Проливов стал конфликт из-за немецкой военной миссии генерала Лимана фон Сандерса, взявшей на себя задачу подготовки вооруженных сил Турции к войне против русских.

Нельзя не сказать и о том, что русские также считали себя обиженными из-за переориентации Германии на Австро-Венгрию и обострения русско-германских отношений. В 1890 году русский историк С. Татищев писал: «Ни одной державе в мире не давала Россия столько непрерывных и несомненных доказательств искреннейшей дружбы и благорасположения, как стоящей ныне во главе объединенной Германии – Пруссии. Государство Гогенцоллернов выросло, возмужало, окрепло под спасительной сенью и покровом России. Все свои последовательные земельные приращения получило оно не только с нашего согласия, но прямо из наших рук. Не раз государи наши имели возможность отодвинуть западную границу России до устьев Немана и даже Вислы и отказались от нее из нежной любви к Пруссии и отеческой попечительности о ней. А сколько пролито русской крови для защиты ее и освобождения? На быстрый политический рост ее, на честолюбивый замысел восстановить в свою пользу германскую империю русский двор взирал без малейшей зависти, но и усердно помогал ей в достижении заветных целей... Так же ли относится Германия к России?»

Ясно, что на последний риторический вопрос в России давали отрицательный ответ. И чем дальше с 1890 года, тем все больше и больше русско-германские отношения прогрессировали в сторону своего обострения, грозившего открытым военным столкновением. Однако русские верхи все-таки старались не допустить до этого. Линия такого своеобразного «миротворчества» принадлежала деятельности российских премьер-министров, как нельзя более осведомленных о слабости Российской империи в экономическом, социальном и всех прочих отношениях по сравнению с Германией. Это – сначала П.А. Столыпин, а затем, после его гибели, В.Н. Коковцов.

Особенно предостережения против провоцирования немцев на военный конфликт звучали незадолго перед войной, так как ведущие политики уже отчетливо чувствовали, что «в воздухе пахнет порохом». Еще на Особом совещании 31 декабря 1913 года, при обсуждении вероятной реакции России на проблему военного сотрудничества Германии и Турции, русский премьер-министр В.Н. Коковцов выступил против резких заявлений и деклараций. Коковцов предложил использовать мягкие рычаги давления, в том числе и с помощью союзников.

Однако военные совершенно необоснованно заявили о полной готовности России к единоборству с Германией. При этом австрийцы в борьбе один на один справедливо признавались заведомо слабейшей стороной. Конечно, решающей стороной были не русские, а немцы, готовившие широкомасштабную агрессию в Европе во имя установления всеевропейской гегемонии. Тот же граф В.Н. Коковцов впоследствии вспоминал, что «еще за восемь месяцев до начала войны, в бытность мою в Берлине, было очевидно, что мирным дням истекает скоро последний срок, что катастрофа приближается верным, неотвратимым шагом... на России не лежит никакой ответственности за ту мировую катастрофу, от которой больше всего постра-

дала именно Россия. Она была бессильна остановить неумолимый ход роковых событий, подготовленных задолго теми, кто все рассчитывал наперед...»⁴⁰ Но давление военных было сильнее. В начале 1914 года граф Коковцов получает отставку, а Европа начинает стремительно неотвратимый бег к столкновению.

Как говорилось выше, русская военная машина после войны с Японией долгое время находилась в состоянии упадка. Полное приведение ее в порядок, практически на уровень вероятного противника, под которым подразумевалась Германия, намечалось на 1917 год. К этому времени должно было завершиться перевооружение русской армии: прежде всего, в артиллерийском отношении, так как именно артиллерия является «богом войны». Но ждать в России не желали. 27 февраля 1914 года в «Биржевых ведомостях» под весьма прозрачным псевдонимом была напечатана статья русского военного министра ген. В.А. Сухомлинова под заглавием «Россия хочет мира, но готова к войне». Среди основных тезисов, отличавшихся необоснованной похвальбой и некомпетентными заявлениями, звучали такие:

«...идея обороны отложена, и русская армия будет активной...»

«В будущих боях русской артиллерии никогда не придется жаловаться на недостаток снарядов...»

«Русская армия... явится... снабженной всем, что дала новая техника военного дела...»

«Русская армия, бывшая всегда победоносной, воевавшая обыкновенно на чужой территории, совершенно забудет понятие “оборона”...»

Что ни слово – то неправда. Генерал Сухомлинов искренне верил в то, что говорил. Но что до того русским солдатам и офицерам, погибавшим в неравной борьбе с германским агрессором, потому что военный министр объективно соврал в каждом тезисе? Зачем была нужна эта статья?

Как видим, руководитель русского военного ведомства совершенно ясно дал понять, что русские вооруженные силы готовы к Большой Европейской войне. Бесспорно, данная позиция была продиктована убеждением, что предстоящий конфликт растянется во времени не более чем на год. Для ведения такой войны русское военное ведомство действительно сумело поднять русские вооруженные силы на общеевропейский уровень, что само по себе было превосходным результатом, если вспомнить, в каком беспомощном состоянии Российская империя находилась после Первой Русской революции и в материальном и в финансовом отношениях.

⁴⁰ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911—1919. М., 1991, с. 423.

Военный министр генерал-адъютант В.А. Сухомлино

Именно поэтому уже в эмиграции ген. В.А. Сухомлинов имел все основания отметить: «Прежде всего, вопрос – готовы ли мы были к войне? В 1909 году, не только безусловно не готовы были, но наша армия находилась в полнейшем развале. В 1914 году же в ней порядок и боеспособность оказались восстановленными настолько, что к выступлению в поход продолжительностью от четырех до шести месяцев, никаких сомнений не возникало»⁴¹. Генерал Сухомлинов абсолютно прав. Накопленные запасы артиллерийских боеприпасов закончились ровно на пятый месяц войны (первые требования Ставки о радикальной экономии снарядов

⁴¹ Сухомлинов В.А. Великий Князь Николай Николаевич. Берлин, б. д., с. 19.

– декабрь 1914 года), а последние запасы были расстреляны в Карпатах еще за три месяца – к апрелю 1915 года.

Однако все было не так просто – военное ведомство было обязано помнить, что даже борьба с Японией заняла полтора года, окончившиеся поражением как же можно было рассчитывать за полгода разгромить куда более могущественную Германию и ее союзников? Тем более что в России не обольщались насчет союзнического потенциала: Великобритания воспринималась в качестве морской силы, а на Францию рассчитывали только как отвлечение большей части германской армии на Запад на первом этапе войны.

С другой стороны, и союзники были прекрасно осведомлены о слабостях русской военной машины. Как никто другой генерал Сухомлинов должен был знать о том, что в русской армии все еще не хватает артиллерии, что военно-промышленная база чрезвычайно слаба, что высший командный состав отстает от требований современной войны. Но ведь и сам генерал Сухомлинов неоднократно похвалялся, что со времен Русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов характер военных действий ничуть не изменился, а поэтому сам военный министр с тех пор не читал ни одной специальной военной книги. Исследователь справедливо говорит, что «эта вызывающая статья, преувеличивавшая военную готовность России, только подлила масла в огонь»⁴².

Странно, что такой человек мог вообще возглавлять военное ведомство не только за несколько лет перед войной, но и в первый год войны. Здесь сравнение Российской империи с Советским Союзом накануне Великой Отечественной войны не в пользу первой. В этом отношении деятельность на своем посту И.В. Сталина, все-таки поменявшего столь же бездарного, как и Сухомлинов, К.Е. Ворошилова за год до войны на действительных профессионалов, все же выглядит более предпочтительной. И это при том, что в России начала XX столетия не было жестоких репрессий, ставших следствием борьбы за власть в партии и государстве в тридцатые годы.

Следовательно, проблема выбора имела куда больше вариантов. Так что не следует удивляться, что высшие военные круги России, плохо понимая, что такое современная война, подталкивали политическое руководство страны к войне. Жажда выказать на деле свой профессионализм и вернуть высшее положение в российском обществе (а военные дворянско-феодалы всегда проигрывают «третьему сословию» при развитии капитализма) побуждала генералов стремиться к вооруженному конфликту. Как и обычно, жертвой за это должна была стать кровь солдат и офицеров русской армии.

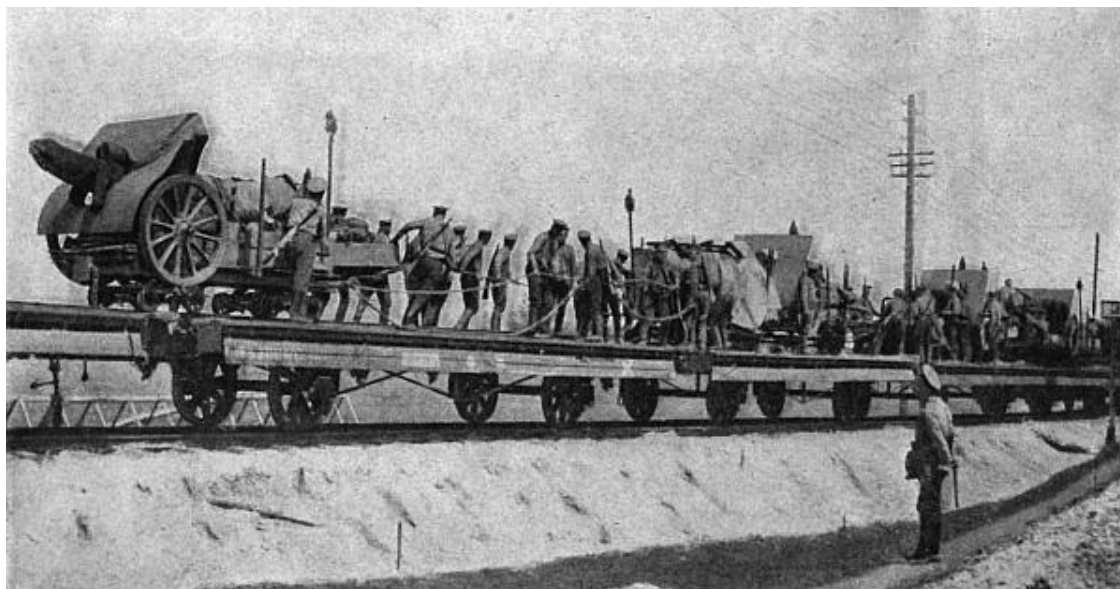
С другой стороны, военный министр субъективно не солгал. Русская армия действительно была готова к войне, но только к той войне, на которую рассчитывали Генеральные штабы всех великих держав Европы. То есть – к войне сроком не свыше шести месяцев. И впрямь, снаряды для русской действующей армии стали заканчиваться в декабре 1914 года (пять месяцев войны), и последние их запасы были израсходованы в Карпатской наступательной операции весны 1915 года. Вот на этот срок русские вооруженные силы были готовы, о чем и говорил ген. В.А. Сухомлинов. Другое дело, что военный министр великой державы все-таки должен видеть хоть немного дальше собственного носа.

Нельзя также не заметить, что статья русского военного министра явилась ответом на пропагандистскую кампанию, развернутую Германией в европейской прессе, которая была направлена против Российской империи. Немцы были готовы к войне и теперь всеми силами старались спровоцировать континентальные державы Антанты на агрессию – пусть даже и видимую. Германские газеты кричали о неподготовленности России к войне и, следовательно, о необходимости превентивного удара, о русской опасности для Германии в частности и Европы в общем. Соответственно, немцы всеми силами старались внести разлад в отношения

⁴² Субботин Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники. М., 1996, с. 327.

между Россией и ее союзниками – Францией и Великобританией, чтобы получить возможность бить своих врагов по очереди. Как видим, через двадцать семь лет Гитлер не придумает ничего нового, – провокация всегда есть оружие агрессора, старающегося наглым и беспардонным нажимом разделить своих противников, дабы не оказаться перед лицом единого фронта, противостоящего агрессору⁴³.

Тем не менее русские посчитали необходимым открыто заявить о своей готовности к войне. Вряд ли приходится сомневаться, что данным заявлением в заблуждение были введены не только союзники с противниками, но и собственная военная машина. Что предполагал такой настрой высшего генералитета? Это означало радикальное несовпадение объективных условий участия Российской империи в Большой Европейской войне и субъективных устремлений в верхах армии. Так, Е.Ю. Сергеев справедливо еще пишет: «Представления о колоссальных ресурсах Российской империи, разделявшиеся не только ее властной элитой, но и правящими верхами других государств (отсюда миф о “русском паровом катке”, который способен перемолоть любую европейскую армию), создавали у авторитарного режима иллюзию неограниченных стратегических возможностей». В то же время Россия была не готова к такой войне, что прекрасно осознавалось теми же самыми генералами, с одной стороны занимавшимися реализацией Большой Программы усиления вооруженных сил, принятой незадолго до войны, а с другой – вводившими в заблуждение не только союзников, но и самих себя, а также, что, наверное, самое главное, – высшее политическое руководство государства во главе с императором Николаем II. Данный субъективный настрой противоречил объективному состоянию вещей. Именно вследствие своей неготовности, как в том же сборнике говорит О.С. Поршнева, «Россия принадлежала к числу держав, больше заинтересованных в сохранении уже произведенного раздела мира, чем в его переделе, и не входила в число инициаторов войны, до последнего пытаясь предотвратить ее»⁴⁴.

Перевозка артиллерии

Между тем значительная часть представителей российского истеблишмента придерживались той точки зрения, что дальнейшее расширение Российской империи стало уже бессмыс-

⁴³ Сергеев Е.Ю., Улуян А.А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900—1914. М., 2003, с. 323—324.

⁴⁴ Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2006, с. 82, 335.

ленным. Русско-японская война, одной из причин которой стало желание императора Николая II и его окружения расширить пределы империи еще и на существенную часть Китая и Кореи, отчетливо показала пагубность такого расширения. Каждый новый шаг по пути территориального приращения только увеличивал количество нерусских и неправославных подданных российского императора. Это еще более убавляло бы процент русских (великороссы, малороссы, белорусы) в государстве. Наднациональный же характер Российской империи в эпоху воинствующего национализма не мог сохраняться в прежней статике.

Кроме того, уменьшение доли православного населения также не способствовало укреплению внутреннего положения страны. Кстати говоря, именно поэтому в России возлагали столь большие надежды на возвращение галицийских униатов в лоно православной церкви после присоединения Галиции. И, как известно, эти надежды бездарно провалились: уже в начале 1915 года галицийское население в большинстве своем (поляки, евреи, украинцы-униаты) ждало австро-венгерские войска как своих освободителей. Присоединение Западной Украины к Советскому Союзу в 1940 году лишь добавляет доказательств к данному выводу. Да и зачем вообще Российской империи, где не была решена земельная проблема, не хватало школ и больниц, а народное благосостояние находилось на весьма низком уровне, была нужна нищая Галиция? Чтобы добавить еще нищеты в полусредневековую российскую деревню? Это – при том, что своего освоения ждал тогда, и ждет до сих пор, богатейший по своим природным ресурсам неоспоримо русский Дальний Восток.

Земли в Галиции не хватало и для собственного населения, а стоило ли обладание «древним Львовом» потоков крови? Представляется, что именно Галиция в первую голову (а потом уже Восточная Пруссия) послужила приманкой для русского политического руководства, жаждавшего новых территориальных присоединений, а потому готовых на любую военную авантюру. Как будто бы было мало позорно проигранной войны с Японией всего лишь десять лет назад. Участник войны в своих «записках» приводит превосходную сентенцию по этому поводу, услышанную им от галицийского ксендза после начала войны: «Мне даже кажется, что Россия совсем не задумывалась над мыслью, зачем она воюет? Ну, скажем, вы, затратив миллиарды денег и миллионы жизней, получите наконец Галицию. К чему она вам? Мне говорили, что если поехать от австрийской границы до конца ваших владений на Камчатке, то путешествие это будет длиться сорок восемь дней и сорок восемь ночей. Россия... Какое же значение может иметь для вас прирезка Галиции? Это все равно, что второй носовой платок для моего костюма. Нет, вы просто игрушка в руках коварной Англии»⁴⁵.

Это – только то, что касается межнациональных отношений. Экономика же Российской империи вообще входила в противоречие с политикой дальнейшего территориального расширения государства. Экономическое развитие, при том что модернизационные процессы в сельском хозяйстве начались только с конца 1906 года, не успевало за внешнеполитическими амбициями ряда ответственных руководителей государства. Отечественный ученый справедливо говорит: «Прогресс российской экономики *в весьма малой степени* зависел от выхода на океанские просторы (через “черноморские” проливы, через получение незамерзающих портов на Тихом океане, через продвижение через Персию к океану Индийскому). “Поиграв в империализм” на Дальнем Востоке и ожегшись на войне с Японией, Россия обрела большой реализм внешней политики, но не могла перестать исполнять роль великой евразийской державы, не могла игнорировать этническую, конфессиональную и блоковую солидарность, не могла оставаться в стороне от мировой войны, хотя и не несла ответственность за ее развязывание»⁴⁶.

⁴⁵ Войтоловский Л.Н. Выходил кровавый Марс: По следам войны. М., 1998, с. 128.

⁴⁶ Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905—1917). Тула, 2000, с. 387.

В любом случае, властные верхи Российской империи не особенно опасались вероятной войны с Германией и Австро-Венгрией. Во-первых, союзниками России были Великобритания и Франция. При этом русские наивно полагали, что эта «дружба» (по крайней мере с французами) «бескорыстна и свята». Совокупный потенциал государств Антанты превосходил коалицию Центральных держав даже при том условии, что германская армия была готова к войне лучше прочих. Тем не менее не все было так просто.

Откуда же эта уверенность в сравнительно легкой победе? Как справедливо показывает В.П. Булдаков, «в верхах к возможным военным тяготам относились более чем легкомысленно. Слишком соблазняли возможные “призы” побед: присоединение всей Польши, Галиции, Буковины, Восточной Пруссии, Турецкой Армении и, особенно, овладение Черноморскими Проливами»⁴⁷. Точно так же, не менее легкомысленно, в 1903 году отнеслись к перспективе войны с Японией. Результат был более чем плачевен: стоило задуматься хотя бы о проблеме несения неудачной войны с революцией. А чем «больше» и тяжелее война, тем, разумеется, радикальнее и мощнее революция.

С другой стороны, все-таки немцы опасались численности русских вооруженных сил, могущей в случае войны свести на нет германское техническое превосходство. Как бы спохватившись, во время бедственного положения России, увязшей на Дальнем Востоке, кайзер Вильгельм II в 1905 году предложил русскому императору Николаю II оборонительный союз. Эти мысли оказались выраженными в уже упоминавшемся выше Бьеркском договоре 10 июля 1905 года. Согласно статьям договора, подписанного русским императором, Россия обязывалась защищать Францию от германской агрессии, и наоборот, Германию от французской агрессии. Как возможно было совместить несовместимое? Дело в том, что император Николай II рассчитывал на создание континентального союза, направленного в первую очередь против Великобритании, против которой, собственно говоря, Россия и сражалась в данный момент в Русско-японской войне.

Действительно, если взглянуть, Бьеркский договор означал, что у России в Европе более не осталось врагов: державы Тройственного блока никогда не выступили бы без санкции Германии, а с Францией у русских был свой собственный союзный договор. Взаимный же союзный договор между Францией и Германией исключал войну между ними. Но, разумеется, правительство и общественность Российской империи выступили против Бьеркского соглашения. И, главное, Франция, лелеявшая реваншизм в отношении Эльзаса и Лотарингии, отторгнутых немцами в 1871 году, категорически отказалась от присоединения к подобному соглашению, и Бьеркский договор не был ратифицирован, и не мог быть ратифицирован вообще.

⁴⁷ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997, с. 16.

Галиция. На привале

А между тем это соглашение в самом деле создавало единую Европу, но... под верховенством Германии. Император Николай II, отлично сознававший потенциал Российской империи, возможно, и был согласен на временное подчинение немецкому капиталу, однако все государственные и общественные деятели России предпочли подчинение капиталу французскому, что практически, на деле, вело к вооруженному столкновению с Германией. Договор в Бьерке по своей сути, как и конвенция 1892 года, носил оборонительный характер. Он создавал возможность для установления сравнительно прочного мира на континенте (в ближайшей перспективе), почему и был объективно направлен против Великобритании, заинтересованной в континентальной войне, чтобы подорвать позиции своего конкурента – Германии (ослабление Франции и России – также неплохо).

Поэтому Франция (а как же тогда реванш за 1870 год?), российская прозападная «общественность» (а где же тогда реформы по британскому образцу?), определенные властные круги (а где же тогда финансовые выгоды от совместных франко-русских предприятий?) встали против, и Бьеркский договор так и не вступил в силу. Между тем этот договор, скрывавший и Германию, и Францию, позволил бы русским играть на франко-германских противоречиях. Так что этот договор был прежде всего выгоден надломленной поражением на Дальнем Востоке и переживавшей Первую Русскую революцию Российской империи. Кроме того, по верному замечанию, «испарился (достаточно призрачный) шанс оздоровить обстановку в Европе и продолжать российское развитие на основе как французских инвестиций, так и германской технологии»⁴⁸.

Слишком многое и многие были против русско-германского сотрудничества, и сами же немцы поспешили разрушить тот хрупкий баланс, что подразумевал переход от «вооруженного нейтралитета» к жесткой и бескомпромиссной борьбе. «Мирное проникновение» германцев в российскую экономику, освоение русской территории и стремление к ее контролю вынуждали русских опасаться своего могущественного западного соседа. Исследователи

⁴⁸ Уткин А.И. Русско-японская война. В начале всех бед. М., 2005, с. 396.

справедливо подмечают: «...только в России иностранный капитал, причем в первую очередь именно немецкий, играл столь большую роль в экономике... только в России столь многочисленны были немецкие сельскохозяйственные колонисты. Между тем, Германия в начале XX века все более явно демонстрировала, что считает немецкие диаспоры частью немецкой нации, вне зависимости от их подданства»⁴⁹

⁴⁹ Западные окраины Российской империи. М., 2006, с. 411.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.